

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

ЖНЕЦЫ ВЕТРА

Ветер и искры

Annotation

В растерзанную войной страну пришла поздняя осень. Свирепый ветер, ледяной и неистовый, несет из-за суровых гор бесконечные дожди, и не укрыться от них ни живым, ни мертвым. Ледяная вода не способна остудить ненависть, пылающую в сердцах тех, кто осмелился бросить вызов судьбе и вступить в схватку.

Нэсс и Шен, Лук и Га-нор, Проклятые и Ходящие преследуют свои цели, пытаются выжить, вырвать победу, отомстить и решить для себя, что опаснее – темная «искра» магического дара или тьма в собственной душе.

Алексей Пехов

Жнецы ветра

Если ураган ведет тебя к мести – одну могилу рой для себя.

– Опять! Лопни твоя жаба... – простонал Лук из-под надвинутого на лицо капюшона.

– Что «опять»? – не понял Га-нор, отжимая стянутые в хвост волосы.

– Дождь! Треклятый дождь льет уже вторую неделю. Или ты этого просто не желаешь замечать?

Северянин пробурчал нечто нечленораздельное.

– Тебе что?! Все равно? – возмутился Лук.

– Пока дождь меня не убивает – да.

В ответ раздался громкий чих, и нытье продолжилось. Стражник безостановочно ворчал вот уже четвертый день. Он ненавидел затяжные путешествия, особенно если они происходят неуютной осенью.

– Сто раз предлагал – давай переждем непогоду где-нибудь под крышей. Не верю, что поблизости нет таверн. Там, по крайней мере, сухо. Вкусная еда, горячий шаф, – с удовольствием начал перечислять солдат, и его живот тут же жалобно заурчал в ответ. – К тому же за шиворот никакая дрянь не льется. Каждый день дождь, дождь, дождь... Посмотри на мою лошадь. Да-да. На эту. Что, не видно, как она тоже превращается в воду? Хватит смеяться! У меня скоро отрастут жабы, если я, конечно, не околею от холода. Ты этого хочешь?

– Нам некогда рассиживать по тавернам. И ты это прекрасно знаешь. – Га-нор наконец соизволил натянуть капюшон на мокрые волосы. – Не думай, что я в восторге от происходящего. Но нам нельзя задерживаться. Первый месяц осени на исходе. Когда подойдет к концу третий – перевалы в Катугских горах завалит снегом, и мы застрянем на юге до поздней весны. Тебе нравится находиться по соседству с Белыми?

Для немногословного сына Ирбиса это была необычайно длинная речь. Лук вновь чихнул, смачно высморкался и наконец произнес:

– Я говорил и еще раз скажу – Лестницей Висельника пройти невозможно. Набаторцы, конечно, идиоты, но не слепые. Перевал слишком узок, чтобы мы там разминулись.

– Предложи другой вариант, – невозмутимо промолвил Га-нор.

Лук знал, что друг прав. Лестница для них – единственный способ пробраться на север. Второй перевал, Клык Грома, слишком далеко на западе. Дорога до него займет больше трех месяцев. К тому же миновать территории, лежащие между Слепым кряжем и побережьем Устричного моря, будет трудновато. Особенно в окрестностях Гап-шаку или Альса. Там от набаторцев должно пестреть в глазах.

– Единственный выход, если тебя пугают горы, – залезть в какую-нибудь дыру и переждать.

– Ну уж нет! Я не хочу, чтобы в один из дней за нами пришли мертвецы или Сжегшие душу. Все время сидеть и стучать зубами в ожидании гостей – это не по мне, лопни твоя жаба. Вот только прорываться к Лестнице не менее глупо. Насколько далеко мы от нее?

Га-нор привстал на стременах, небрежно огляделся, пожал плечами. В последнее время это был его самый частый ответ на все вопросы.

– Мы хоть в правильном направлении едем?

– В правильном.

Лук вздохнул. Порой немногословность товарища его раздражала. Иногда хотелось

нормально поговорить. А общение с Га-нором очень часто напоминало монолог. С таким же успехом стражник мог бы беседовать с самим собой.

Окружающий пейзаж не вызывал у спутников воодушевления. Пожелтевшее редколесье, давно потерявшие большую часть листвы деревья, серое небо, тусклый солнечный свет, едва пробивающийся сквозь тучи. И дождь, заставляющий воду в лужах вскипать.

— Два дня назад оно тоже было правильным. Но западных отрогов Слепого края я так и не увидел, — вновь попытался завязать разговор Лук.

Молчание.

— Послушай, лопни твоя жаба! Это просто невыносимо! — взорвался стражник.

— Ты про свое занудство говоришь? — усмехнулся следопыт, даже не посмотрев на него.

— Нет, разумеется! Про наши скитания, лопни твоя жаба! Ты помнишь, когда мы в последний раз нормально жрали? Я — нет, а мой живот и подавно. Все время давимся какой-то дрянью. Скоро начнем крыс ловить.

— Уже.

— Что уже? — не понял Лук.

— Вчера мы ели крыс, — последовало невозмутимое пояснение. — Точнее, сусликов.

Стражник поперхнулся, ошалело посмотрел на приятеля, понял, что тот и не думает шутить, и голосом человека, которому очень плохо, произнес:

— Меня, кажется, сейчас вывернет.

— Не думал, что это тебя так расстроит. Ужин ты уплетал за обе щеки. И нахваливал.

— Я не знал, что это гадская кры...

Северянин резко вскинул руку, заставив друга замолкнуть на полуслове. Лук нахмурился, взялся за кистень. Повисла тишина, лишь дождь барабанил по капюшонам да фыркали переступающие с ноги на ногу лошади. Рыжевато-коричневый тракт скрывался в дождливой пелене, и видимость была не больше чем на сто ярдов.

Прошла минка. За ней — другая.

— С дороги! Живо!

Толку от этого было мало, спрятаться в редколесье с лошадьми не представлялось возможным. Тонкие осины — слабое подобие укрытия, а редкий кустарник не способен спрятать следы животных. И все же это было лучше, чем ничего.

В рощице Лук отцепил притороченный к седлу арбалет, снял с оружия кожаный чехол, придирчиво изучил тетиву, натянул, достал из переметной сумы болт, аккуратно пристроил его в ложе. Миновало пять минок томительного ожидания, прежде чем Га-нор произнес:

— Никого.

— Слава Мелоту, — выдохнул Лук. За время знакомства с северянином он привык доверять его чутью. Поэтому поспешно разрядил арбалет и спрятал его от влаги в провощенную кожу.

Не разговаривая, они взяли лошадей под уздцы, вывели их обратно на дорогу и забрались в седла.

— Значит, тебе вновь показалось? — Лук не выглядел недовольным. Понимал, что осторожность полностью оправдана. При малейшем подозрении северянина они искали укрытие, и дважды это спасло товарищей от набаторских патрулей. Но в последние дни все более часто тревога оказывалась ложной.

— Я слышал лошадиное ржание, — неохотно ответил сын Ирбиса.

— Думаешь, в здешней глуши кроме нас есть кто-то еще?

— Не стал бы я называть эти места глушью. Клянусь Угом, близко деревня.

– Да ну?!

– Дым. Чуешь?

Лук втянул носом воздух, но запах мокрой лошади забивал все остальные.

– Может, ты слышал звуки из деревни? – неуверенно протянул солдат.

– Не мели ерунды. До нее с четверть лиги.

Га-нор, в который раз за день, снял капюшон, подставляя лицо под холодные струи дождя. Последнее время он почти не спал. Еще пара дней – и северянин начнет совершать ошибки. А они приведут прямоком в ледяные чертоги Уга.

– Кажется, нам все-таки придется найти тебе горячего шафа, а мне соломенную подстилку. Следует выспаться, – принял решение следопыт.

– Первая хорошая новость за неделю! – обрадовался Лук. – Сам посуди, холода не за горами, а у нас кроме плащей никакой теплой одежды. Может, что-нибудь купим...

Сын Ирбиса скорчил мину. Денег было мало. Вряд ли кто-нибудь продаст зимнюю одежду за медь и мелкое серебро.

Лошади, словно почувствовав скорый отдых, пошли быстрее.

Прошло не так много времени, когда Га-нор вдруг резко остановился, спрыгнул с седла и стал пристально изучать землю.

– Что там? – нетерпеливо поерзал стражник.

– Следы. Много конных.

– Уверен? – Лук не представлял, как в такой жиге можно что-нибудь разобрать.

– Проехали чуть больше нара назад.

– Наверное, это крестьяне, – солдату не хотелось расставаться с мыслью об отдыхе.

– Крестьяне ходят пешком. Или, если повезет, едут на разбитой телеге, запряженной старой клячей. – Га-нор вскочил в седло и развернул лошадь. – Вернемся назад. К лесу. Пойдем по нему. Если не будем мешкать, через несколько дней увидим Слепой кряж.

Но возвратиться друзья не успели.

Стук копыт пришел с той стороны, откуда они приехали. И сейчас уйти с дороги стало невозможно – местность здесь была открытая, к тому же придорожные канавы переполнены водой, а голые поля с редким кустарником превратились в настоящее болото. Животные увязнут, не пройдя и двадцати ярдов. Конные к этому времени уже будут рядом, и если среди них есть арбалетчики – придется худо.

Сын Ирбиса не стал мешкать и, помянув Уга, поскакал вперед. Лук, задержавшись лишь на мгновение, поспешил следом.

Непогода не предполагала скачек, но выбора не было. Грязь летела во все стороны, окатывая лошадиные бока и всадников. Дождь заливал глаза. Вцепившиеся в уздечку пальцы немели от напряжения. Прижавшись к едко пахнувшей лошадиной гриве, Лук старался не отстать от Га-нора. Эта скачка напомнила ему неудачное бегство из Альсары в день, когда к городу подошел Рован.

Они миновали залитые водой поля с пожелтевшей травой, непролазный колючий кустарник, заросли едкогo бoрeвникa^[1]. Прямая дорога сузилась, начала петлять, влезла в ложбину между двумя небольшими холмами с глинистыми склонами. Даже в хорошую погоду взобраться по ним было бы не так просто, а уж сейчас об этом нечего и думать. Оставалось только нестись вперед, высматривая подходящее место, чтобы уйти с тракта.

Всадники вброд пересекли несколько разжиревших от непогоды ручьев. Каждый раз лошади сбавляли темп, переходя на шаг. Дождь усилился, превратившись в ледяной ливень.

Разгоряченные скачкой животные недовольно трясли головами – они устали и начали оступаться.

Холмы остались позади, вновь пошли проклятые заболоченные поля. А далеко впереди, над голыми вершинами редких осин, вился сизый дымок и торчал шпиль колокольни.

– Попробуем проскочить через деревню! – крикнул Га-нор.

– Если там враги, мы попадем в переделку!

– Мы уже попали. За деревней лес! Видишь?!

Действительно, на горизонте виднелась черная полоса деревьев. Сын Ирбиса надеялся, что их не смогут догнать в дебрях Прикряжья.

Ливень не утихал, но Лук и думать о нем забыл. Лишь молился Мелоту, чтобы лошадь не подвела. Промелькнуло небольшое, заросшее низкими березами кладбище с развалившейся деревянной оградой. Замшелый, выкорчеванный из земли Лысый камень. Затем – грубо срубленная, отяжелевшая от трупов виселица. Лук увидел ее в тот момент, когда вылетевший из дождя болт угодил в шею кобылы Га-нора.

Северянин легко приземлился на ноги, погасив скорость, перекатился через плечо, грязный и страшный, оказался на краю дороги. Лук, соображавший в такие моменты довольно быстро, осадил лошадь, спрыгнул в жижу, поскользнулся, упал, крутанулся и тем самым избежал смерти от очередного болта. Извиваясь ужом, по уши в ледяной грязи, он ползком добрался до сына Ирбиса.

– Лопни твою жаба! Добегались!

– Голову не поднимай.

Они лежали под растущим возле обочины кустом с худосочными ветвями.

– Южане, лопни твою жаба! – дрожа от холода, процедил Лук. – И покойники.

Над их головами угрожающе возвышалась мрачная виселица. Посиневшие, уже потрепанные вороньем трупы медленно раскачивались. Судя по одежде – мертвецы были крестьянами.

В отличие от шепчущего молитву Лука, Га-нор не обратил внимания на покойников. Он высматривал укрытие. До погоста было не добраться – сотня ярдов по открытой местности. Добежать и не схлопотать в спину болт можно только чудом. Деревня тоже теперь стала недоступна – рядом с находящимся на пути намокшим и просевшим стогом сена прятались стрелки.

Лук пошевелился, и почти тут же свистнул болт, едва не попав ему в голову. Стражник охнул, еще сильнее вжимаясь в грязь, и покосился на сына Ирбиса, который освободил перевязь на груди, снял ножны с мечом, подтянул их к себе, обнажил оружие. Лук последовал его примеру, взяв в правую руку узкий длинный кинжал, а в левую кривой нож.

– Ну что, дружище? Покажем этим набаторцам, лопни твою жаба?

– Это не набаторцы.

Сотрясая зловещую тишину топотом копыт, в сторону деревни скакали всадники на уставших лошадях. Разношерстное воинство, среди которого были и закованные в латы рыцари, и облаченные в кольчуги солдаты. В первых рядах ехал знаменосец. В жалкой мокрой тряпке, повисшей у него на древке, с трудом можно было распознать имперский штандарт.

– Наши, лопни твою жаба! Это же наши! – восторженно завопил Лук, попытался встать, но тут же вновь оказался на земле.

– Лежи! – рывкнул дернувший его за пояс Га-нор. Он не сводил глаз с приближающегося

отряда. Меч убирать не стал, лишь поменял немного свое положение и поджал ноги, чтобы успеть вскочить.

– Но это же наши... – уже не так уверенно пробормотал солдат.

– Осталось только объяснить им, что мы свои, – голос у северянина был мрачным.

Он понимал, какое в военное время будет отношение к неизвестным.

Их заметили, и пятеро всадников, отделившись от основного отряда, направились к друзьям. Остальные, не снижая скорости, пронесли к деревне. Опытный глаз Га-нора отметил, что воины вымотаны, многие ранены и едва держатся в седлах.

Сын Ирбиса внимательно следил за приближающейся пятеркой. Впереди, на мощных жеребцах ехали два закованных в латы рыцаря. На их стальных нагрудниках были выгравированы растянувшиеся в прыжке леопарды.

Первый воин – молодой, возможно, чуть старше Шена. Русые волосы отливали тусклым серебром на его висках, и любому знающему человеку это говорило о том, что в нем есть толика крови императорской семьи. Голубые глаза из-под прямых, вразлет бровей смотрели внимательно и устало. Тонкое благородное лицо портил сломанный и еще не заживший нос. Ввалившиеся щеки покрывала недельная щетина, над правой бровью была небольшая, стянутая суровой нитью рана.

Второй латник, казавшийся настоящим гигантом, не снимал шлема.

Трое солдат сопровождения носили более простую броню: куртки с нашитыми стальными пластинками, кольчуги с капюшонами. Двое из них держали наготове арбалеты.

– Кто такие? – пробасил гигант.

Голос из-за опущенного забрала казался низким и гудящим, словно храмовый колокол.

– Свои. Не видно, что ли? – бросил Лук, вслед за Га-нором осторожно встав на ноги.

– Бросайте оружие, – хмуро приказал молодой.

Га-нор быстро сделал, что велено. Лук, недовольно бурча, последовал его примеру – кинжал и нож полетели на землю. Но даже после этого арбалеты не опустились.

– Не калечить, – приказал гигант, и рыцари, развернувшись, поскакали к домам.

– Братцы, вы чего?! – возмутился Лук, когда им принялись связывать руки. – Мы же свои!

– Потом разберемся, какие вы свои, – с угрозой в голосе пообещал один из двух стрелков. – А пока стойте смирно. Тебя, рыжий, это в первую очередь касается. Знаю я вашу породу.

– Да свои мы, лопни твоя жаба! – в последний раз попытался докричаться до них стражник.

– Повопи у меня! Я тебе такую жабу покажу, сволочь! – зло процедил другой, и Лук, поняв дальнейшую бесперспективность споров, умолк.

– Командирам будешь рассказывать, парень. Если слушать станут, – куда более примирительно сказал первый, затягивая веревку так, что Га-нор скрипнул зубами.

Под усиленным конвоем они прочавкали по грязи, обошли труп лошади и оказались возле плетней огородов. Здесь, укрывшись плащами, мокли двое следящих за дорогой арбалетчиков.

– Проворные вы ребята! – осклабился один из них. – Счастливики!

– Это вы мазилы! – пробурчал под нос стражник, но его, по счастью, не услышали.

Деревня кипела от суетившихся в ней солдат. Местных жителей видно не было. То ли попрятались, то ли ушли от греха подальше.

– Эй! Десятник! – крикнул один из тех, что сопровождал товарищей. – Куда этих?!

– К милорду Рандо.

– Где он? Или я, по-твоему, в каждую избу должен заглядывать?!

– В храме.

– Нашли время молиться, лопни твоя жаба, – пробормотал Лук и тут же схлопотал несильный тычок промеж лопаток.

Деревня оказалась небольшой – всего лишь одна грязная улица, вдоль которой выстроилось два десятка неказистых домов. Низкие плетни, убранные огороды, колодец с долговязым журавлем, возле которого возился светловолосый «леопард». И три мало-мальски высоких здания: замшелый двухэтажный трактир с полностью выцветшей вывеской, храм с широким крыльцом и деревянная колоколенка, столь хлипкая, что, кажется, еще один порыв ветра – и она рухнет. Чуть дальше, за домами, виднелось нечто похожее на небольшую водяную мельницу.

Кто-то заорал на всю улицу, призывая лекаря поторопиться, курва его забери. Справа, под пропускающим воду навесом из жидкой соломы, лежали трое мертвецов. Их доконали раны и дорога. Облаченный в кольчугу жрец Мелота шептал над погибшими молитву, то и дело осеняя их знаком благословения.

Несколько человек уводили мокнувших под дождем лошадей прямо в избы. Где-то за домами с отчаянной хаотичностью стучали топоры, слышались резкие приказы. На колокольне уже торчали несколько лучников. Лук подумал, что оттуда, даже в такую мерзкую погоду, должны хорошо просматриваться окрестности. Он быстро подсчитал все, что увидел, – выходило, в отряде за полсотни солдат.

Двери в храм были распахнуты настежь. Внутри, в плохо освещенном помещении с тусклыми, безграмотно нарисованными образами Мелота, спорили люди.

– Мы не можем себе этого позволить, Рандо! Задержка подобна смерти! – гудел зычный бас.

У обладателя голоса, рыцаря-гиганта, уже знакомого друзьям, оказалось грубое, угловатое лицо с мясистым носом и тяжелым подбородком, заросшим неопрятной бородой.

– У нас есть фора, – возражал молодой. – Лошади устали. И люди тоже. Нам нужен хотя бы день отдыха.

– Набаторцы наступают нам на пятки.

Кроме них здесь находились еще пятеро воинов. Двое в латах с эмблемами леопарда, остальные в кольчугах, свиных куртках и забрызганных грязью штанах. Все хмурые, уставшие, едва стоящие на ногах.

– Мне кажется, на какое-то время они от нас отстали, – бросил невысокий, крепко сбитый мужчина с плутоватыми глазами и неприятным голосом.

– Они не отстанут, Глум. Мы – слишком большая заноза в их тылах, – зло сказал черноусый молодец с фальшионом на боку, по виду уроженец Морассии. – Но милорд Рандо прав. Еще нар в дороге, и люди, и лошади начнут умирать от усталости.

– Уже умирают, – подтвердил, входя в храм, светловолосый рыцарь, которого друзья видели у колодца. – Я разместил раненых в отдельной избе. Лекарь с ними.

– Спасибо, Кальн. Водер, я приказал перекрыть дорогу и начать укреплять деревню, – обратился тот, кого называли милордом Рандо, к великану, давая понять, что решение принято.

– Ты командир, – пожал плечами богатырь. Потом повернулся к порогу храма и увидел

Га-нора с Луком. – А... привели. Ну, и кто вы такие?

– Лук, стражник башни Льда. Врат Шести Башен.

Кальн ошеломленно присвистнул и прищурился.

– Га-нор из клана Ирбиса. Воин башни Льда.

– А говорили, что после захвата крепости никто из гарнизона не выжил, – растягивая слова, произнес черноусый морассец.

– А еще говорят, что жабы по небу летают! – пробурчал Лук и, не обращая внимания на хмурые взгляды, продолжил: – Нам удалось выйти из окружения. И, наверное, не только нам.

– Когда мы были под Альсом, ходил слух, что в горах погибли все, – подал голос молчавший до этого худой, похожий на скелет мужчина с тонким носом и большими оттопыренными ушами. – Не думаю, будто с тех пор что-то изменилось.

– Нет смысла гадать, Юргон. Глум, позови Крейга, – попросил Рандо, и низкорослый воин с плутоватыми глазами направился к выходу. – Хорошо. Допустим, я вам верю. Но шли вы слишком долго. Почти четыре месяца. И не спешили вернуться в армию. К Перешейкам, к примеру, где в то время шли бои. Или к Лестнице.

– Мы не дезертиры, – нахмурился стражник.

– Это нам решать! – отрезал Водер.

– Мы пробирались через Лесной край, – проронил Га-нор. – Затем отправились в Альсгару. К Ходящим.

– Зачем?! – резко бросил Юргон, и кадык на его тощей шее дернулся под полупрозрачной, как тонкий пергамент, кожей.

– Затем, что нас об этом попросила Ходящая в Шести Башнях. Ну... меня попросила... прежде чем умерла, – объяснил Лук.

Веревки нещадно натирали запястья, холодная промокшая одежда студила тело, и вся сложившаяся ситуация казалась солдату ужасно несправедливой.

– Интересно... – задумчиво протянул Юргон. – И что? Удалось вам побывать в Башне?

– Да.

– С кем говорили?

– С госпожой... э-э-э... Ирлой.

Огонек быстро обменялся взглядом с молодым рыцарем.

– Хорошо. Потом вы из города ушли?

– Да. Хотели добраться до Лестницы. Вернуться на север. – Га-нор не отвел взгляда.

– Как там? В Альсгаре? – жадно спросил один из рыцарей.

– Мы ушли почти месяц назад. Никаких новостей не знаем. Пробирались лесами. На дорогах много набаторских патрулей.

– И вас мы за такой патруль приняли, – встрял Лук. – Поэтому и дунули что есть сил. После того как Альсгару осадили, мы только и делаем, что скрываемся от этих южных подонков!

– Город осадили?! – изумленно вскричал морассец.

На всех остальных эта новость произвела столь же ошеломляющий эффект.

– Ну... да, – заморгал стражник. – Эй! А вы что?! Не знали? Ведь это случилось еще в последний месяц лета.

– Новости на восток доходят с большим опозданием, – проронил Юргон. – А теперь, когда все сообщение прервано, – с очень большим опозданием.

Вернулся Глум с пожилым лучником. Тот пристально изучил обоих пленников и, отвечая

на невысказанный вопрос Рандо, отрицательно покачал головой:

– Впервые вижу, командир.

– Ну? – поинтересовался Водер. – А вы? Узнаете этого человека?

– Нет, – чувствуя какой-то подвох, проронил Лук.

Га-нор лишь пожал плечами.

– Крейг служил у Врат Шести Башен.

– Сколько лет назад?

– Пятнадцать, – смутился стрелок.

Лук фыркнул:

– Пятнадцать лет назад я еще и слова-то такого не знал – Самшитовые горы. Нашли кого привести!

Ответом ему были мрачные взгляды. Лишь Крейг посветлел лицом и внезапно спросил:

– Как называют статую первого капитана?

– Ну Долговязый осел. Что дальше? – с вызовом бросил Лук.

– Сколько калиток в Садовой стене?

– Шесть. Вторая слева уже лет двести как замурована.

– Что изображено на куполе башни Огня?

– Ничего. Купол так и не достроили.

– Вроде все верно... – обратился лучник к слушавшим его командирам.

– «Вроде»! – сплюнул Водер. – Нам не нужно «вроде». Ты уверен, что они там служили?

– Вроде... да. Тот, кто там не был, про такое бы нипочем не ответил.

– Ладно. Ступай.

– А с ними что делать? – поинтересовался морассец.

Повисло молчание.

– Заприте и выставите охрану, – наконец решил милорд Рандо.

Уже второй день Рандо рей Валлиона мучил сильный жар, и вчера он едва держался в седле. Слава Мелоту, об этом никто, кроме Юргона, не догадывался. Солдаты и без того достаточно вымотаны. Нельзя загружать их еще и своими бедами. А болезнь командира – не самый лучший способ повысить боевой дух отряда.

Рыцарь дождался, пока все покинут храм, посмотрел на образа, покачал головой. Наверное, Мелот отвернулся от него и его страны, раз позволяет, чтобы на нее обрушилось столько бед. Он не стал говорить этого вслух, не желая получить отповедь от полкового жреца, появившегося в дверях.

Помощь этого невысокого человека, знающего, и с какой стороны взяться за меч, и как поддержать людей словом, оказалась спасительной. Своей неугасимой верой он помогал солдатам и в бою, и в жизни. Рандо считал, что все они уцелели не без помощи Отора. Людям нужна надежда, особенно в тот момент, когда ее так тяжело найти и столь легко потерять.

– Вы кажетесь нездоровым, милорд.

– Ерунда, – он на миг прикрыл глаза, стараясь прогнать резь. – Просто устал.

– Вам следует хорошо выспаться... – Жрец подошел ближе, пристальнее взгляделся в лицо рыцаря, и между бровей его тенью легла тревога. – Последуй моему совету, Рандо. Ты нужен людям ничуть не меньше, чем благословение Мелота.

– Кошунственные вещи говоришь, Отор.

– Он простит меня, – без тени улыбки произнес жрец. – А вот если я не заставлю тебя отдохнуть, с меня спросят в Счастливых садах. Умрешь ты – умрут и другие.

– Хорошо. – Рандо кивнул, и виски тут же заныли. – Только поговорю с Юргоном.

– Он возле колокольни. С Глумом. Я помолюсь за тебя.

Попрощавшись, молодой человек вышел на улицу и подставил лицо под ледяные струи дождя. Удивительно приятные капли скатывались по волосам и стекали за шиворот, холодя спину и впитываясь в стеганую рубаху под доспехом. Печка, спрятанная где-то в груди Рандо, медленно остывала, унося вместе с жаром ломоту в костях и прогоняя висящий перед глазами проклятый туман. На какое-то время отступила безжалостная сонливость, клещаами сжимавшая голову всю последнюю неделю.

– Я собираюсь проверить посты, – прогудел Водер, подходя к нему. За спиной великана на широком ремне висел страшный боевой молот. – Ты выглядишь больным.

– Все словно сговорились, дядя. Ты тоже решил стать моей матерью и проявить заботу?

Эти слова получились куда резче, чем он хотел, но гигант лишь пожал плечами:

– Мне далеко до моей сестры, Ран. Но я обещал ей приглядывать за тобой, хоть ты и командир.

– Командир чего? – с горечью спросил тот. – Все, кто был под моим началом, погибли.

– Не все. Нас еще восемь человек.

– Из двухсот! Целый полк^[2] потерял!

– Давно пора привыкнуть. Мы на войне, а не на веселой пирушке.

– Извини, но я не стану привыкать к этому! – резко бросил Рандо, и его голубые глаза гневно вспыхнули. – К нам присоединилось много солдат. Они надеются, что я выведу их.

– К нам все время кто-то присоединяется, – проворчал Водер. – Мелот свидетель, я еще

никогда не встречал такой разношерстной... армии. Ха! Голодранец на голодранце. Но сражаются отменно. Не хуже благородных. За это я их уважаю. Кстати говоря, что ты намерен делать с варваром и болтуном?

— Не знаю. Еще не решил.

— Их рассказ слишком необычен. Они могут быть шпионами. Или дезертирами. И те и другие заслуживают петли.

— Крейг говорит, насчет Врат эти люди не ошиблись. Однако он не уверен, что они те, за кого себя выдают. Меня больше успокаивает реакция Юргона на их ответы. Кроме того, один из них — северянин. Этот народ слишком не любит темных, чтобы быть с ними заодно.

Водер рыкнул, словно медведь:

— В начале лета я думал точно так же. Но сейчас слишком многое изменилось. Сам вспомни, сколько предательств. Кто бы мог предположить, что Окни вручит набаторцам ключи от города на бархатной алой подушке?! А левый фланг отступит под Альсом, обнажив наши тылы?!

— Ты во всем прав. Но рубить сплеча я не хочу. Следует разобраться.

— Не спорю. И не заставляю лишать их жизни. Мы не набаторцы. Однако выпускать их тоже не стоит. Северяне без веревок приобретают очень неприятную особенность становиться опасными противниками... Хватит стоять под дождем. Пошли под навес.

Рандо, не споря, последовал за родичем.

— Люди говорят, мы угодили в дурное место, — задумчиво проводив взглядом намокшую, едва поднимающую крылья ворону, произнес Водер. — Мне не нравится здесь. Странная деревушка.

— Не узнаю тебя, дядя.

— Я сам себя не узнаю, — гигант нахмурился. Помолчал. Потом мрачно произнес: — Когда сюда прибыл передовой отряд Глума, все было точно так же, как сейчас. Ни души. Если, конечно, не считать нескольких исклеванных птицами висельников. Покойникам дней шесть. Если не семь. И... пустые дома.

— Жаль, у нас нет хорошего следопыта. Возможно, он смог бы увидеть больше.

— Ребята нашли немного крови рядом с одним из овинов, но тьма теперь разберет, чья она — человеческая или овечья. Следов много, но они старые. И почти неразличимые. Кажется, не повезло лишь тем крестьянам, которые попались в объятия Тощей вдовы. Остальные успели уйти в лес.

— Значит, они могут вернуться.

— Не думаю. Вооруженные люди должны их здорово пугать. Будут сидеть, пока мы отсюда не уедем.

— В любом случае предупреди часовых.

— Уже предупредил.

Юргона возле колокольни не оказалось. Рандо толкнул дверь, и та бесшумно распахнулась. Оглядев помещение, он заметил в дальнем углу грубо сколоченную винтовую лестницу и под жалобный скрип разошедшихся ступеней начал подъем.

На середине пути его окликнули. Назвавшись и стараясь не сбить дыхания, рыцарь преодолел последний участок. Один из назначенных в дозор лучников сидел на ступенях, с аппетитом вгрызаясь в здоровенный кусок черствого хлеба. Его товарищ мерз на обзорной площадке, прислонив длинный лук к высокому борту. Здесь было очень ветрено.

Рандо задрал голову, посмотрел на старенький колокол и свободно висящий трос.

– Все тихо, – сказал дозорный.

Командир отстегнул от пояса флягу, на дне которой еще плескались остатки рески:

– Держи. Тебе и приятелю. Погрейтесь.

Солдат благодарно кивнул, сделал скупой глоток. Окликнул товарища. Командир «леопардов» тем временем осматривал окрестности. Серо-желтые крыши домов, бурая грязь, голые огороды. На западе, там, где стояла мельница, текла река. Из-за бесконечных дождей она разлилась и затопила луга, превратив их в непроходимое болото. Впрочем, залитые дождями поля на востоке также стали естественной преградой. За ними виднелись глинистые холмы. На севере и юге начинались леса.

– От леса подойти к деревне можно, – раздался за спиной негромкий голос, и Рандо вздрогнул от неожиданности. Он не услышал, как поднялся наверх и подошел со спины командир мечников, морассец Ильса. – Уверен, что у местных есть тропы. Ходили же они как-то за хворостом. Большую опасность представляет восточная дорога. И та, по которой мы приехали. С юго-запада. Глум занимается выполнением вашего приказа. Тракт уже перекрыт, стрелки на местах.

– Хорошо. Второй заслон надо поставить рядом с трактиром. Перегородить улицу. – Рыцарь указал рукой место. – Если набаторцам удастся прорваться через первую преграду, встретим их здесь.

– Вы, как и господин Водер, думаете, что они все-таки нас нагонят? – свел брови морассец.

– Это не исключено. Но если до завтра никто не появится, я не буду разочарован.

– Никто не будет, – улыбнулся Ильса, коснувшись рукояти фальчиона. – Впрочем, в любом случае, сражаться здесь гораздо лучше, чем в открытом поле.

Рандо кивнул, и командир мечников добавил:

– Юргон приказал мне привести вас к нему.

– С каких это пор моим офицерам дают указания? – нахмурился рыцарь.

– Огоньков разве не знаете? – улыбнулся в черные усы воин. – Носители «искры» частенько забывают, что не все считают их главными. Впрочем, мне было несложно найти вас и передать его просьбу.

Они вместе спустились вниз. Хлюпая по грязи, добрались до обветшалога трактира. Жестяная вывеска скрипела на ветру, из едва держащейся водосточной трубы хлестал нескончаемый поток воды.

– Пойду, проверю посты, – произнес Ильса и направился на восточный конец деревушки.

Рандо толкнул дверь, переступил порог. После улицы здесь было тепло, даже жарко. Два длинных стола и четыре скамьи оказались сдвинуты к стене, пол густым слоем устилало сухое сено. Стальной обруч люстры с порядком оплывшими сальными свечами бросал на стены и потолок тусклые желтые блики.

В зале находилось чуть больше двадцати человек. Те, кому Рандо приказал отдыхать, пока не настанет их очередь дежурить и работать. Некоторые воины облюбовали столы и скамьи, некоторые расположились прямо на удобной подстилке. Почти все, устав от бесконечной, выматывающей скачки, уже спали. Лысый коротышка, ловко орудуя иглой, чинил порвавшиеся штаны, его приятель с безразличием жевал скудный паек, немолодой арбалетчик подкармливал дровами бушующий в камине огонь.

Рандо заметили, поприветствовали усталыми кивками.

– Юргона видели? – спросил рыцарь.

– Наверху, – не разжимая зубов, в которых была зажата нитка, процедил «портной». – С картами возится.

Молодой человек поднялся на второй этаж, заглянул в первую же комнату и увидел сидящего за столом Огонька.

– С какой стати ты отдаешь приказы моим людям?

– Не кипятись, – произнес Юргон, не поднимая головы. – Это был единственный способ затащить тебя сюда. Иначе бы ты еще сто лет проверял патрули, беседовал с офицерами и распределял фураж лошадям.

– Что в этом плохого? – нахмурился Рандо.

– Совершенно ничего. Особенно когда поблизости нет зеркал. Ты бы себя видел. Мертвецы и то краше выглядят.

– Это обычная простуда...

– Которая через несколько дней сведет тебя в могилу, если ты не найдешь в себе смелости забыться сном.

– Не надо разговаривать со мной, как с сопливым мальчишкой! – вспыхнул рыцарь.

– Я буду с тобой разговаривать так, как ты этого заслуживаешь, милорд! – зло стукнул кулаком по столу маг, и его большие уши побагровели. – Потому что, если ты сдохнешь от усталости, всем остальным от этого будет лишь хуже. Ты – сердце этого отряда. Они идут не за мной, не за Водером, не за Ильсой, а за тобой. Если тебя не станет – мы долго не продержимся.

– Хватит. Не начинай. – Молодой человек устало отстегнул ножны с полуторным мечом и бросил их на стол. – Я могу понять, когда солдаты болтают про «счастливчика Рандо». Но не желаю слышать крестьянские суеверия от человека из Башни.

– Ты прав. Я не верю в приметы. Но они-то верят. И если это поможет им продержаться и выжить, значит, стоит подыграть. К тому же в какой-то мере эти «суеверия» справедливы. Мы вырвались из окружения под Альсом. Прошли большую часть юга. Не чем иным, как зверской удачей, я это не назову. Как голова?

– Так же.

Огонек встал, налил в кружку воды, провел над ней рукой, заставляя нагреться, бросил щепотку трав. По комнате тут же разнесся отвратительный горький запах, и Рандо поморщился:

– Мне обязательно пить эту гадость?

– Тебе же вроде не нравится, когда с тобой разговаривают, как с «сопливым мальчишкой», – улыбнулся Юргон, протягивая лекарство. – Отвар поставит тебя на ноги.

Рандо взял кружку, сделал осторожный глоток и скривился:

– Вкус даже хуже, чем у пойла моего дядюшки, которое он называет вином. Что это? – Рыцарь покосился на одну из бумаг.

– Я начертил план деревни. И ты, и Водер правы. Нам нельзя здесь оставаться, но продолжать путь мы тоже не можем. Поэтому, так как мы здесь, я хочу соорудить парочку магических сюрпризов для гостей. Вот здесь, здесь и здесь. – Огонек попеременно ткнул испачканным чернилами пальцем в импровизированную карту. – Хотелось бы еще три поставить вот на этот участок, но, боюсь, сил уже не хватит.

– Твои метки пригодятся. И хорошо бы одна из них оказалась на участке дороги между

холмами. Это реально?

– Да, – кивнул маг, вставая. – Я займусь ею прямо сейчас.

– Постой. – Рандо поставил опустевшую кружку. – Возьми с собой несколько человек.

– Конечно. Ты решил, что делать с пленными?

– Пока нет.

– Имя Ходящей из Башни они назвали правильно.

– Его можно было от кого-то услышать, – пробормотал «леопард», чувствуя, что веки наливаются свинцом.

– Можно... Если не возражаешь, я хочу с ними поговорить.

– Конечно. – Рандо, не удержавшись, зевнул. – Слушай... что ты мне... подмешал в это... поило?

Юргон улыбнулся:

– Два нара сна пойдут тебе на пользу.

Рыцарь не ответил. Уронив голову на руки, он спал.

Га-нора и Лука привели в один из домов, но вскоре тот понадобился солдатам и, с благословения жреца Мелота, которому, кажется, было все равно, что происходит, их заперли в храме, напоследок предупредив – любые попытки досадить охране закончатся плохо.

– Как думаешь, долго еще они будут вести себя по-идиотски, лопни их жаба? – спросил Лук, которому недоверие своих казалось страшно оскорбительным и, кроме того, доставляли огромное неудобство связанные руки.

– Не знаю, – безразлично проронил Га-нор. Он сидел, прислонившись спиной к стене и вытянув ноги. – Они могли бы повесить нас без всяких разговоров.

Стражник недовольно повозился, кряхтя сел рядом:

– Хорошо хоть ноги не связали. Думаю, можно даже не спрашивать у этих любезных господ про ужин.

Га-нор невесело улыбнулся в усы, и разговор как-то сам собой затих. Вновь повисло тяжелое молчание.

Где-то под полом осторожно возились мыши, по крыше барабанил дождь, с улицы раздавались выкрики и ругань. Наступил вечер, за высокими узкими оконцами угасло солнце, и по полутемному храму растекся непроглядный мрак. Вернулся жрец в сопровождении солдата. Они зажгли свечи и лампы, и в ночи замерцали несколько десятков тусклых светляков. Их света хватало лишь, чтобы озарить алтарь да небольшой участок пола. Стены, как и раньше, тонули во тьме. Жрец подошел к пленникам:

– Хотите помолиться?

– Прости, жрец, но я молюсь своему богу, – негромко ответил Га-нор.

– Бог един. Мелот или Уг – неважно, каким из множества имен его называют. Он все равно слышит нас, – все так же спокойно сказал Отор.

– Не уверен, что братья по вере разделяют твои мысли.

– Многие из нас пребывают в заблуждении. Мы всего лишь люди, и нам свойственно ошибаться, как и всем детям Его. Я помолюсь за вас сам.

– Надеюсь, тебя услышат, – вздохнул Лук. – Чья-нибудь помощь нам бы сейчас не помешала.

Жрец отошел к алтарю и начал нараспев произносить стихи из книги Созидания.

– Вам что-нибудь нужно? – спросил слуга Мелота, когда моление было закончено.

– Воды.

– Хорошо. Я принесу.

Их напоили, так и не развязав рук, а затем вновь оставили в одиночестве. Теперь уже надолго.

– Мы похожи на мух после встречи с пауком, лопни твоя жаба.

– Шевели пальцами. Веревки ослабли.

– Пальцами? Это даст мне возможность выпутаться?

– Нет. Это даст тебе почувствовать свои руки.

Лук, сосредоточенно нахмурившись, последовал совету сына Ирбиса. Через какое-то время неприятное онемение и покалывание отступило, а затем и вовсе пропало.

– Горячий шаф, – тоскливо протянул стражник, – все бы отдал за кружку горячего шафа и миску мяса. Кстати говоря, ты слышал, о чем говорили командиры? За ними по пятам

несутся набаторцы. И скоро, между прочим, они окажутся здесь, лопни твоя жаба.

– Надеюсь, что к этому времени здесь не будет нас.

– Ты что-то придумал? – вскинулся стражник.

– Надо убедить «Имперских леопардов» в нашей честности.

– А-а-а. Ты про рыцарей... Я слышал об этом отряде. Они воевали под Сандоном.

Коруннские ребята. Охраняют императора?

– Нет. Ты путаешь их с гвардией. «Леопарды» – один из полков тяжелой императорской кавалерии. Последние шесть лет они торчали под Альсом. Хорошие солдаты.

– Им это не очень-то помогло. Их меньше десятка. Могу представить, какая там должна была случиться мясорубка...

Внезапный отблеск в окне прервал его фразу, и спустя уну до них долетел ослабленный расстоянием грохот.

– Гроза? – Стражник вопросительно посмотрел на северянина.

– Не думаю.

На улице раздались крики, а затем низко и тревожно взревел боевой рог.

Рандо снилась мать. Она была такой, какой он ее помнил еще до гибели отца – веселой, молодой, никогда не унывающей. Звонко смеясь, она возилась со щенком серого лохматого волкодава. Тот нежно покусывал руки хозяйки и, смешно урча, пытался перевернуться на спину.

Белое платье матери отливало серебром, тонкая нитка гроданского жемчуга на шее смотрелась изысканнее и прекраснее фамильных бриллиантов, темно-русые волосы в солнечном свете искрились рыжиной. Она казалась воздушной и волшебной, словно дева из старых легенд.

Затаив дыхание, Рандо любовался ею до той поры, пока рев рога не разбудил его. Он вскочил, не понимая, где находится. В комнате было темно, из коридора лился тусклый свет, за окном метались тени с факелами. Рог протрубил еще раз. И еще. Рыцарь схватил меч, бросился к выходу, в четыре прыжка преодолел лестницу и выскочил на улицу.

Дождь кончился. По всей деревне горели огромные костры, разожженные солдатами.

– Рандо! У нас гости! – Водер уже был здесь.

В руках он держал гигантский молот.

– Где Юргон?!

– Не знаю. Но его ловушка сработала почище имперского фейерверка!

Рандо увидел Ильсу и крикнул ему:

– Если прорвутся, всем отходить к трактиру, попробуем сдержать их здесь!

– Вы думаете, их много, милорд? – Морассец был хмур.

– Склонен предполагать худшее. Увидишь Глума, отправь его ко мне!

Обернувшись к шестерым воинам, чьи доспехи были отмечены леопардами, рыцарь коротко отдал приказ:

– Вы – на последнюю линию. Разбейтесь по двое. Если будет прорыв – не дайте им добраться до лучников.

– Для этого хватит и четверых, милорд, – возразил высокий бородач с красным лицом. – Солдаты Ильсы нас поддержат.

– Согласен, – поспешно поддержал его курносый молодой «леопард». – Вы не можете остаться без телохранителей, милорд.

– Мне не понадобится охрана, если мы удержим оборону!

– Милорд! – подбежал Глум.

– Сколько твоих людей на колокольне?

– Двое.

– Еще троих на второй этаж трактира. К окнам. Четверых – к восточной дороге. И проследи, чтобы была поддержка мечников.

– Сделаю.

Рандо увидел, что двое рыцарей все-таки остались с ним. Что бы там он ни думал, но его полк иногда шел наперекор приказам. В особенности если считал, что командиру грозит опасность.

– Ладно, – сдался он. – Тьма с вами. Пошли.

У него не было надежды, что после ловушки Юргона от них отстанут. Иначе это бы произошло еще четыре дня назад. Все понимали – погоня продолжается только потому, что среди преследователей есть некромант, и большую часть «сюрпризов» ему удастся нейтрализовать еще до того, как те заберут с собой часть солдат. То, что кто-то излишне прыткий нарвался сейчас на магический капкан, можно было считать удачей.

Дорога, как он и приказал, была завалена бревнами. Часть из них обтесали, превратив в палисад из кольев, за которым теперь прятались вооруженные луками и арбалетами солдаты. Еще двое стрелков сидели на крышах ближайших изб.

– Они не могут пройти огородами? – спросил Рандо у Ильсы.

Морассец пожал широкими плечами:

– Ну, только если полные идиоты. Перелезть через ограды, топтать по этой жиже. Они и десяти ун не пробегут под стрелами. На такое можно решиться, если есть под началом три-четыре сотни и командир не жалеет своих подчиненных.

– У нас мало стрел, – мрачно произнес Водер, слезая с седла. – На каждого лучника не больше десятка. А болтов и того меньше.

– Что-то они не торопятся, – угрюмо заметил Кальн.

Дорога была пуста. В семидесяти ярдах от баррикады горело два больших костра, освещая поворот, за которым скрывалось кладбище.

– Выслать разведчиков? – неуверенно поинтересовался Ильса.

– Неудачная идея, парень, – покачал головой Водер. – Похо...

Алая вспышка осветила его лицо.

– Забери меня тьма! Что это?!

– Западная дорога! Еще одна ловушка Юргона сработала! – крикнул Рандо. – Два десятка туда! Живее! Арбалетчиков к трактиру! Ильса! Останешься здесь. Не дай им прорваться!

Сигналя об опасности, опять загудел рог.

Враги прорвались в деревню, и на полутемной улице, освещенной отблесками костров, кипел бой. Среди сражающихся метались худые черные тени. Мертвых было то ли пятеро, то ли шестеро, и сейчас они представляли самую главную проблему.

Отряд, возглавляемый Рандо, бросился в битву. Дорогу рыцарю загрозили двое набаторцев, но один тут же погиб от мечей взявших его в «клещи» телохранителей герцога, а второй получил в спину прилетевшую с колокольни стрелу. Морт, оказавшись рядом, стремительно атаковал, его скимы громко взвизгнули, рассекая воздух.

Молодой человек и не думал вступать в поединок. Его учили избегать длительного боя,

не тратить силы на ненужное размахивание мечом, убивать врага как можно быстрее. Он отшагнул в сторону, избегая удара. Одновременно занес тяжелый клинок, и в следующее мгновение тварь лишилась головы.

Рандо перепрыгнул через тело, легко отбил бастардом летящий слева кинжал, пырнул врага в живот, проскользнул под секирой другого, побежал дальше, подсек под колени зазевавшегося набаторца.

Водер, ревя медведем, крушил молотом кости наскакивающих на него противников. Рядом с рыцарем сражался богохульствующий на все лады Отор.

Кошкой выскочил из-за спин мечников Юргон, бросил в последнего из уцелевших мортов изумрудным сгустком. Поразив бок существа, тот замедлил его в несколько раз, и двое солдат топорами изрубили костлявое тело.

Маг между тем начал сжигать попадавшихся ему на глаза противников.

Рандо заметил краем глаза, как Отора повалили на землю, сверкнул нож, но убийца не успел закончить дело. Арбалетный болт влетел ему прямо под шлем. Жрец сбросил с себя тело, ударил кулаком снизу-вверх другого противника, а в следующий миг молот Водера проломил невезучему набаторцу грудную клетку, отбросив назад на несколько ярдов. Гигант крутанул страшное оружие над головой, и один из уцелевших врагов, не выдержав, побежал.

Из окон трактира и с колокольни падали скупые, но точные стрелы. Рандо пропустил удар, легкий меч скользнул по его наплечнику, не причинив вреда. Взяв бастард обратным хватом, он широким взмахом развалил незащищенный подбородок южанина и снес ему голову. Вдвоем с дядей они возглавили клин атаки, и перевес сил начал клониться в их сторону.

Когда полыхнуло во второй раз, Лук не нашел ничего лучшего, как помянуть жабу.

– Это магия, – спокойно отметил Га-нор.

– Своя или чужая?

– Я не видел Ходящей среди тех, кто взял нас в плен.

– Проклятье!

Рев рога смолк, словно трубивший человек захлебнулся. Затем донеслись крики и звон оружия.

– Что это? – внезапно наострил уши сын Ирбиса.

– Сражаются. Неужели непонятно?!

– Я не о том. Слышишь? – Он, словно большая птица, склонил рыжую голову, обшаривая взглядом помещение. – Под полом.

– А-а, – протянул Лук, не понимая, почему товарищ так насторожен. – Мыши. Они давно там возятся.

– Нет. Тут другой звук. Слишком велики для мышей.

– Ну, значит, крысы.

– Если только очень большие крысы.

– Эй! Что ты делаешь?!

– Пытаюсь встать! И тебе советую!

В этот момент доски на полу содрогнулись от сильного удара снизу.

– Спаси нас Мелот! – шепотом произнес Лук после того, как его сердце замерло на три бесконечно долгие уны. – Что это за хрень, лопни твоя жаба?!

Ответом ему был новый удар. Казалось, из-под пола к ним пробивается разъяренный

зверь.

– К выходу! Быстрее! – Га-нор уже был на ногах.

Лук, поминая то тьму, то Счастливые сады, с трудом поднялся.

Двери пришлось толкать плечом.

– Заперто!

– Так привлеки к себе внимание! Стучи! – Северянин, не спуская глаз с половиц, начал медленно обходить алтарь по кругу.

Стражник, все еще не понимая, что происходит, принялся бить в дверь ногами.

– Никто нас не слышит! Все заняты боем!

– Кричи громче.

– Что? – удивился тот.

– Ори! – Га-нор уже находился в самом дальнем, неосвященном участке храма. – Сожри меня ледяные черви! Здесь спуск в подпол!

Он подбежал к Луку:

– Вместе, приятель! Попробуем ее выбить!

Но вышибить дверь не получилось. Створки были мощными и тяжелыми, да еще и заперты на крепкий засов снаружи. Друзья колотили изо всех сил, но тут крышка, закрывающая лаз, не выдержала натиска неизвестного и с треском развалилась на несколько частей. По храму начал расползаться ужасающий смрад разложения. Из зияющего тьмой подвала появилась рука, затем другая. Черные пальцы с обломанными ногтями впились в пол. Мигнули горящие зеленым огнем глаза.

– Эй! Вы! Помогите! – оглушительно завопил Лук, вновь начав долбиться в преграду. – Эй! Слышите?! Помогите!!!

Га-нор в два прыжка подлетел к мертвецу, который уже наполовину выбрался из дыры, и, не обращая внимания на угрожающее хрипение и оскаленные желтые зубы, изо всех сил ткнул противника сапогом в лицо. Не ожидавший этого покойник не удержался и с грохотом свалился вниз. Сын Ирбиса умудрился подтащить и столкнуть в проем тяжелый треножник с горящими на нем свечами. Тот канул во тьму, следом за мертвецом, на мгновение осветив жуткую картину из шевелящихся рук и оскаленных пастей.

– Спаси нас Уг! – Даже северянин был ошеломлен увиденным. – Там их полно!

– Откройте!! Эй!! – пуще прежнего заорал Лук. – Слышите?!

Новый кукс попытался выбраться на свободу и повторил судьбу своего предшественника. Ему на смену тут же пришли еще двое. Пока Га-нор разбирался с одним, другой умудрился схватить следопыта за ногу и повалить на пол.

Лук, оставив в покое дверь, бросился на помощь товарищу. Он успел подбежать как раз в тот момент, когда покойник полностью вылез и собирался прыгнуть на поспешно отползавшего к стене Га-нора. С отчаянным воплем солдат боднул мертвеца, едва не улетев в провал следом за ним.

– Что там у вас?! – раздался раздраженный голос снаружи.

Едва не заплакав от облегчения, Лук закричал, надрывая глотку:

– Откройте! Быстрее! Покойники! Покойники лезут! Слышите?! А-а-а-а!!! – Синие руки вцепились в его ногу, пытаясь стащить вниз.

Удивительно, но никто из солдат не стал подробно разбираться в странных словах пленника. Раздалась встревоженная команда, грохнул засов, в храм с обнаженным оружием ворвались люди. Кто-то, сразу же оценив ситуацию, бросился на помощь Луку и перерубил

руку мертвеца, освобождая стражника из плена.

– Выведите их! – крикнул влетевший в помещение Юргон.

Воины поставили приятелей на ноги. Светловолосый рыцарь остервенело рубил секирой лезущую снизу напасть, плюясь и содрогаясь от омерзения.

– Отойди, Кальн! – приказал ему маг, всплеснул руками, и с его ладоней сорвалось два сгустка жидкого пламени.

Ухнуло, раздался многоголосый вой, из дыры взметнулся столб огня. Он лизнул потолок и с ревом начал пожирать все, чего удалось коснуться. Солдаты отшатнулись от жара. Пол едва держался. Через минку он должен был провалиться в бушующее под землей пекло.

– Уходим! – гаркнул Юргон, подтолкнув к выходу какого-то солдата. – Сейчас все прогорит!

Огонек выскочил на улицу последним, сам закрыл двери и с помощью рыцаря запер их на тяжелый засов.

Над промокшей, посеревшей, выцветшей за нескольких недель непогоды степью плыли стальные тучи, щедро орошая раскисшую землю бесконечным дождем. Ветер то стихал, то налетал порывами, остервенело бросаясь на избитую, уставшую траву, немногочисленные взъерошенные кустарники и мой плащ. В какой-то момент очередное его нападение закончилось успехом, и капюшон слетел у меня с головы.

Рассвело где-то с полнара назад, но солнца я так и не увидел – оно, едва успев подсветить горизонт, тут же скрылось в дождливом мареве, постепенно растворяя жмущиеся к земле обрывки ночного мрака. Уже второй день было по-осеннему холодно, и хотя до отрогов Катугских гор, по моим расчетам, гораздо дальше, чем до теплого Устричного моря, я начал опасаться, что ветер принесет с севера первый в этом году снег. Прежде чем я надел капюшон на голову, дождь – ледяной и неприятный – успел промочить мне волосы и бороду. Судя по бесконечным клубящимся облакам, надеяться на то, что за день хоть что-то изменится, не приходилось.

Кажется, дрянной погоде радовался только Гбабак. Как все лягушки, он наслаждался льющейся с неба водой и поквакивал в свое удовольствие, поглядывая на остальных с легким недоумением. Блазг искренне считал, что дождь – это благословение Квагуна и принимать милость болотного бога следует исключительно с улыбкой на роже. Все остальные, включая писклявого Юми, были с ним не слишком согласны и при любой возможности прятались в фургоне, грея руки и лапы над ковшиком с углями.

Я обернулся. На западе все еще было сумрачно, и, несмотря на рассвет, разглядеть находящийся в ста ярдах от меня фургон и лошадей было непросто. Особенно если не знаешь, что и где следует искать.

В отличие от всех, мне опять не спалось. Сны – это бич, который казнит меня ничуть не хуже, чем моя совесть. Стоило закрыть глаза, как передо мной начинал кружить хоровод из багряных карт. Я хватал одну, другую, третью, и каждая из них обязательно оказывалась «Девой». Художник, в какой бы Бездне он сейчас ни находился, изобразил на карте Лаэн.

Поэтому если я и засыпал, то ненадолго.

Вот и сегодня очередной кошмар поднял меня ни свет ни заря. На душе скребли кошки. Я каждую минку думал, что бы случилось, если бы я в том странном сне угадал карту Йуолы? Осталась ли мое солнце жива? Или кошмар не имел ничего общего с реальностью, и, что бы ни случилось в мире иллюзий, на настоящую жизнь это не оказало бы никакого влияния?

Вопросы терзали меня постоянно, но рядом не было никого, кто мог бы на них ответить.

– Эй, Нэсс! – услышал я резкий окрик за спиной.

Вздвогнув, обернулся и неодобрительно посмотрел на неизвестно как подкравшегося ко мне Шена. Мальчишка кутался в плащ, ежился и смотрел с укором.

– Ты опять не спал?

Я ничего не ответил. Отрицать очевидное не было необходимости.

Шен смерил меня теперь жалостливо-осуждающим взглядом:

– Нэсс, послушай...

– Ты решил стать моей нянькой?! Хватит заботы. Я справлюсь.

Удивительно, но он не обиделся и не отстал.

– Нэсс, прошло почти две недели с тех пор, как она умерла. Пора бы тебе...

Я посмотрел на него, и он осекся. Будь на месте Целителя кто-нибудь другой, думаю, в зубы он бы уже схлопотал. Но с учетом того, что Шен как был дураком, так дураком и останется, лечение «в зубы» ему мало чем могло помочь. Поэтому я лишь тихо хмыкнул в ответ:

– Шел бы ты погулять, парень. Куда подальше.

– Ты не так меня понял! – поспешил оправдаться он. – Я всего лишь хотел сказать, что ее не вернешь и...

Теперь я посмотрел на него еще более мрачно. Великий Целитель будущего прочистил горло и решил попытаться еще раз донести до меня свою мысль:

– Короче. Мы без тебя пропадем. Рона больна, а я... Бездна! Если ты думаешь, что я не страдаю оттого, что она погибла, то глубоко заблуждаешься! Если бы я только умел воскрешать, неужели ты думаешь...

– Слушай, просто иди гуляй, а? – со смертельной тоской в голосе попросил я.

– Ну и тьма с тобой! Делай, что хочешь. Но не жалуйся потом! – Он отмахнулся от меня и, ссутулившись, потопал обратно к фургону.

– Эй, Шен! – окликнул я.

– Чего? – хмуро отозвался он из-под капюшона и остановился.

– Ты ни в чем не виноват.

– Да ну?! А кто тогда виноват?! Скульптор мог воскрешать мертвых...

– Ты – не Скульптор. И, возможно, истории о воскрешении не более чем сказки. Во всяком случае, я тебя ни в чем не виню.

Он как-то сразу сник, и мне даже показалось, шмыгнул носом. Но я не смог бы за это поручиться.

Потом подошел ближе:

– Ты тоже обвиняешь себя, хотя ничем не мог ей помочь. Я понимаю, сейчас тебе тяжело, но ты не должен считать, что Лаэн не стало из-за твоих ошибок.

– Неужели? – невесело усмехнулся я. – Спасибо за утешение, приятель, но именно я завел вас в ту ловушку. Ничто не мешало нам продолжить путь вместе с Лереком. Жрец предлагал двигаться по дороге вдоль моря, но я отказался. Это привело нас в руки Проказы.

Он огорченно вздохнул:

– Не буду тебя ни в чем убеждать. Как видно, сейчас это совершенно бесполезно.

Шен оставил меня в одиночестве на пронизывающем ветру. Я постоял еще немного, послушал, как дождь шелестит по высокой траве, а затем двинулся направо, к дороге. Впрочем, ни на что не надеясь.

Обнаруженный мной у поместья след, идущий с северо-востока, исчез восемь дней назад. Проклятая непогода уничтожила всякую надежду понять, откуда в гости к Проказе прибыли неизвестные. Куда они ушли, в основном было понятно – в Бездну. Приехавшие некроманты нарвались на теплый прием, и никто из них не смог убраться из логова паучихи подобру-поздорову. Уцелел лишь тот, кто прикончил Тальки и убил мое солнце. И я бы с радостью поговорил с ним по душам.

Но сделать это, к сожалению, не представлялось возможным – тварь исчезла и в буквальном, и в переносном смысле. Следы, уходящие от Лаэн, пропали через сорок ярдов, закончившись большим выжженным кругом. Шен высказал предположение, что палач

ненадолго пережил мою жену, сгорев, точно спичка, но я с ним не согласился. Мне не удалось найти останков, а судя по земле, температура здесь была не такой высокой, чтобы уничтожить кости.

Я испытывал злость и разочарование. Убийца скрылся, а я остался ни с чем. Без всяких зацепок. Это мог быть кто угодно – некромант, Ходящая и даже кто-нибудь из Проклятых. А быть может, и вовсе тот, о ком я понятия не имел. И теперь мое единственное упование – добраться до того места, откуда вели следы, – смыто дождевой водой. Но я все равно упорно держался тракта, надеясь найти хоть какую-нибудь деталь, которая рано или поздно приведет меня к убийце.

Однако с каждым днем эта надежда таяла.

– Вот так, собака! – печально пискнул Юми, высунувшись из фургона.

Я повернулся за разъяснениями к Гбабаку, шагающему рядом с тянущими повозку лошадьми.

– Юми спрашивать, нет ли у твой лишний кусочка? – прогудел блазг.

Я вздохнул, сунул поводья под мышку, отломил половину от сухаря, который лежал в кармане, и протянул его вейе. Тот озорно блеснул черными глазками, сцапал жратву тонкими ручонками, сунул за щеку и, заметно повеселев, спрятался под крышей.

– Прожорливый парень.

– Не такой, квак я, – осклабился Гбабак и похлопал себя по животу.

Это точно. Блазг ест редко, но метко. Два дня назад он, несмотря на свои внушительные габариты, с легкостью догнал сайгурака и слопал его за ужином вместе с рогами и копытами.

– Твой выглядит плохо спавшим, человеке.

Я хмуро ответил:

– Со мной все в порядке.

– Твой друг так не считать. Не надо думать о мертвой самкве.

– Много ты в этом понимаешь, – я зло покосился на гору мышц.

– Много, – важно кивнул он, горделиво вздыбив ядовитый гребень. – Квагда я быть еще глупой маленьквой сийри^[3] и только выбирать в квакую квасту войти, говорящий с Квагуном рассказывать много историй. Мы не умирать. Мы уходить. В другой мир. Лучший. Теплый. Солнечный. Со множеством дождя, радуг и червяккваквов.

– Ты меня очень утешил, Гбабак, – процедил я.

– Я стараться, – он растянул лягушачью пасть в улыбке. – Твой легче?

– О да.

– Хорошо! Квагун говорить, что нельзя сквачать по тем, квато уйти. Тем тогда плохо. Мы их не отпусквать, и они не наслаждаться новой жизнью.

– И червяккваквами?

– Да, – он посмотрел на меня, осклабился. – Твой меня не слушать и меня не понимать. Твой еще маленьквай. Утро вечера светлее. Пойти глядеть, что и квак вокруг.

Блазг сошел с дороги и скрылся в высокой траве. Теперь не появится пару наров. Я прикрикнул на лошадей, тащивших наш желто-коричневый деревянный фургон, и направил их в объезд огромной лужи. Воды было много, но, на мое счастье, грязь еще не захватила полную власть над трактом, и повозка не застревала всеми четырьмя колесами через каждые двадцать ярдов. Остановились мы лишь однажды, когда Шен по глупости решил проехать напрямик. Впрочем, блазг, обладающий огромной физической силой, без труда выволок

фургон из топкой ловушки.

В принципе я не возражал, что Гбабак и его дружок продолжают свое путешествие вместе с нами. Они нам нисколько не мешали, хотя я и не понимал, для чего им понадобились спутники. Эта колоритная парочка странствовала уже давно, отправившись в дорогу еще до войны. Квагер оказался заядлым путешественником с бесконечным оптимизмом и верой в то, что все будет хорошо. Если не сейчас, так завтра.

Я сидел на козлах, следил за дорогой, управлял лошадьми, слушал дождь и видел перед глазами могилу Лаэн. Я похоронил Ласку подальше от усадьбы, рядом с холмами, когда дождь немного стих. Шен принес заступ, предложил помощь, но я отказался и вырыл могилу сам. Когда все было сделано, блазг приволок тяжеленный валун, который мы использовали вместо надгробной плиты, а Юми, добрая душа, оборвал с клумб уцелевшие после побоища цветы и принес их мне, ободряюще шепнув про «собаку».

Была уже ночь, но, несмотря на опять разошедшийся ливень, я вооружился фонарем и бросился искать следы убийц, опасаясь, что к утру от них мало что останется. Но дождь уже основательно промочил все вокруг, и если бы не вейя, оказавшийся отличным следопытом, я бы никогда не нашел пришедшие с северо-запада отпечатки копыт.

Я так и не заснул в ту ночь – обыскивал дом. Мы отправились в дорогу, едва рассвело, позаимствовав на развалинах все, что требовалось для путешествия. Я попрощался с моим солнцем, дав ей обещание обязательно вернуться и не сказав ни слова про то, что собираюсь сделать с тем, кто убил ее. Думаю, она бы этого не одобрила. Да я и сам понимал, каков риск связываться с неизвестным, умудрившимся прикончить Проказу. Но отступать не собирался и уцепился за ненависть и месть, как утопающий цепляется за любую соломинку.

Я опасался за свой рассудок, поняв, что боюсь оставаться в одиночестве, начинаю безостановочно думать о Лаэн, и спастись от безумия можно лишь одним способом – поставить перед собой цель и стремиться к ней.

– Нэсс!

Я внутренне дернулся и посмотрел на высунувшегося из фургона Шена.

– Эй! Ты хоть слово слышал из того, что я сказал?!

– Нет. У тебя что-то важное?

– Твои уходы в себя начались очень не вовремя. В такой момент кто угодно может подойти незамеченным.

– Отрадно слышать, что ты все еще высокого мнения о моих способностях. Так что тебе не терпелось сообщить?

Он вздохнул, сел рядом, поплотнее закутался в плащ, сумрачно оглядел бесконечные поля пожухшей, мокрой травы и злобно, с остервенением, произнес:

– Ненавижу эту местность! От нее веет смертью.

– Если бы ты только знал, малыш, от скольких вещей и мест на земле смердит этой дрянью. По сути дела, приятные ароматы ожидают тебя лишь в Счастливых садах. Так что смиришься.

– Не хочу и не буду. К этому запаху невозможно привыкнуть.

– К сожалению, ты не прав. Привыкнуть можно ко всему. И это – самое страшное.

Он задумчиво кивнул, повозился, затем спросил:

– Хочешь, я тебя сменю?

– Ни к чему. Скоро остановка. Лошади устали. Надо дать им отдых.

– Гбабак опять ушел. Дождь его не останавливает.

– Он такой же неугомонный, как и ты. Не успокоится, пока не нарвется на неприятности. – Я извлек из-за пазухи сухарь, предложил Шену. Тот отказался.

– Вот так, собака!

– Я знал, что без тебя, приятель, мы никак не обойдемся. – Я отдал положенную десятину Юми.

Тот благодарно пискнул, захрустел, перемалывая еду многочисленными зубами, и, подмигнув Целителю, уполз обратно.

– Он забавный.

– Уповаю на то, что у него есть и другие достоинства, кроме как таскать мои сухари, – проворчал я.

– Он помогает мне с Роной.

– Как она?

– Спит почти все время.

После встречи с Проказой девчонка так и не пришла в норму. И по мне – так лучше бы она спала, чем слушать ее истерики и рыдания. Шен возился с Ходящей, но особого толка от этого не было – она никого не узнавала, не хотела общаться и лишь плакала. Кормить ее приходилось едва ли не насильно. К моему удивлению, когда я был рядом, она затихала и часто начинала дремать. Шен на это хмурился, но молчал.

– Что ты намерен делать с ней дальше?

– Мне не нравится твой тон. – Он посмотрел на меня из-под капюшона. – Рону я не брошу!

– Расслабься, малыш. За кого ты меня принимаешь? Я не собираюсь гнать умалишенную.

– Она не умалишенная!

– Да ну? – Я с интересом посмотрел на него, словно видел впервые.

– Я считаю, что бросить ее – бесчеловечно, – буркнул он, пряча глаза.

– Бесчеловечно тащить девушку Бездна знает куда, а также рисковать ее жизнью, когда она даже не понимает, где находится и что вокруг происходит. Дорога ведет нас в Радужную долину. Думаю, стоит оставить ее там. Ходящие смогут позаботиться о Роне лучше, чем мы с тобой. И, если ты это хочешь услышать, она для нас – обуза. В случае опасности ты бросишься защищать ее жизнь, а не свою.

– С чего ты так решил?

– По глазам вижу.

Он скривился, словно съел что-то отвратительное:

– Оставь ее в покое.

– Я уже сказал все что надо, малыш. Раз ты решил стать опекуном Роны и отвечать за ее жизнь – это твое дело. Но если мы нарвемся на неприятности и она погибнет – винить ты сможешь только себя.

– Следует полагать, что ты тогда будешь мстительно злорадствовать.

– Поменьше яду, Шен, и люди к тебе потянутся. – Я доел сухарь, открутил пробку у фляги и напился. – Ты, кажется, забываешь. Рона спасла мою шкуру, очень к месту охладив горячий пыл Киры. Можешь по старой привычке думать обо мне что хочешь, но я не обрадуюсь, если бедняжка отправится в Счастливые сады раньше положенного срока.

Он, похоже, призадумался над моими словами, а затем уже гораздо более примирительным, хотя и несколько оскорбленным тоном произнес:

– Тебе она доверяет больше, чем мне.

– Что же. Вполне возможно. Она чувствует твою «искру». А в последнее время девчонке крепко досталось от разного рода... носителей Дара. Думаю, со временем это пройдет.

Целитель хмуро взглянул на меня:

– След так и не появился?

– Нет.

– Тогда на что ты надеешься?

– На удачу, на судьбу и на благословение Мелота, – с иронией ответил я, а сердце предательски кольнуло.

Лаэн ничто из вышеперечисленного не помогло. И даже я в момент ее гибели был далеко от нее.

– Вот как... Значит, надежды почти нет.

– Надежда есть всегда, малыш. Особенно если не сдаваться. Я докопаюсь до истины. Рано или поздно, но узнаю все. И лучше бы тому парню хорошенько спрятаться.

Наверное, у меня что-то такое промелькнуло в лице, что даже он перестал спорить попустому.

– Тебе ведь ни к чему ехать в Радужную долину, а, Нэсс? Это меня там ждут.

– Ты заблуждаешься. Тебя теперь там никто не ждет. И везти артефакты в лапы Ходящих – глупо. Впрочем, я это уже не раз и не два говорил. Что касается меня... Да, у меня нет причин идти в Долину, раз Лаэн мертва. Но дорога, как видишь, здесь только одна, и я, с твоего позволения, продолжу двигаться по ней.

– До тех пор, пока не найдешь убийцу?

– Или каких-либо следов.

– А что потом?

– Ну, раз ты собираешься остаться в школе Ходящих, то наши пути разойдутся. Я не успокоюсь, пока не отправлю убившего Лаэн в Бездну. Да и сидеть вместе с тобой в логове лживых имперских магов мне совершенно не хочется.

– Ты забываешь, что я тоже лживый имперский маг.

– Уже нет. С тех пор как ты начал учиться у Ласки, ты не совсем тот, кем тебя считают другие носители «искры».

– Ну, спасибо! – усмехнулся он и заметил, что я перебираю дорогие четки из благородной шпинели.

Кроваво-красные камни легко скользили между пальцами, ловя на грани тусклый солнечный свет.

– Я думал, ты их выбросил.

Я задумчиво посмотрел на него, перевел взгляд на драгоценность и вновь стал следить за дорогой, чтобы не завести фургон в какую-нибудь яму.

– Это еще одно напоминание и еще одна загадка. Тебе так ничего и не пришло в голову?

– Нет, Нэсс. К сожалению. Тебя точно не надо сменить?

– Уже почти приехали.

– Хорошо. Пойду к Роне. Если что – зови.

Я вновь остался один, продолжая задумчиво перебирать четки. В ночь после гибели Лаэн мне удалось преодолеть один из завалов пострадавшего особняка и пробраться в полуразрушенную гостевую комнату, где меня поджидал сюрприз – тела Ходящей и двух Огоньков. В том, что эти люди из Башни, не возникло никаких сомнений ни у меня, ни у

Шена – одежда мертвецов говорила сама за себя. Ходящую Целитель не знал, а вот одного из Огоньков однажды видел в Альсгаре. Обыскав покойников, я нашел у женщины эти четки.

Ни я, ни Шен, не смогли понять, что здесь делают выходцы из Башни. Они не слишком походили на пленников Проказы и, казалось, только что прибыли – их одежда была дорожной и порядком запылена. Кто или что убило магов, я не знал, но больше всего они напоминали глубоководных рыб, которых вытащили на берег. Мы столкнулись с еще одной неразрешимой загадкой...

Я солгал Шену. У меня была причина навеститься в Радужную долину. Шанс, что следы ведут именно туда, – велик. Один тракт, мертвые Ходящие в логове Проказы... Осталось лишь сложить головоломку, понять, что привело их туда, и, возможно, узнать что-то про убийцу Лаэн. Поэтому я намеревался все хорошенько разнюхать в Долине и заставить удачу улыбнуться мне, побеседовав с кем-нибудь из магов, даже если это будет опасно для жизни.

Сейчас я ничего не боялся, и мне нечего было терять. А что до того, чтобы вынудить носителя «искры» говорить – и на это у меня был план. Когда придет время, я позаимствую у Шена «Гаситель Дара», даже если парень окажется этому не рад.

Я заметил небольшую возвышенность, внимательно изучил придорожную канаву и потянул поводья, заставляя лошадей свернуть с тракта. Фургон тут же поехал тяжелее, земля под колесами повозки и копытами лошадей противно зачавкала, но ярдов через восемь началась более твердая почва, и дело пошло на лад.

Наконец я остановил лошадей. От места нашей будущей стоянки до дороги было недалеко, повозку увидит любой путник, но я не рискнул заезжать дальше. Даже сил Гбабака не хватит, чтобы потом вытащить нас на тракт. К тому же я не слишком опасался быть замеченным. На всем отрезке пути мы не встретили ни одной живой души. Шесть хуторов, мимо которых мы проехали, оказались заброшены. Люди бежали от грядущей войны на северо-запад, к перевалу. Но набаторцы не спешили появляться здесь, слишком занятые Лестницей, Гаш-шаку и Альсгарой.

Меня это вполне устраивало.

– Шен! Распрягай! – крикнул я и спрыгнул на землю.

Пока Целитель возился с животными, я вкопал в землю длинные шесты и не без помощи Юми натянул между ними и фургоном мокрую парусину. Когда все было готово, мы завели лошадей под навес.

– Долго будем стоять? – спросил Целитель, обтирая шею Рыжей.

– С нар. Сколько осталось овса?

– Дня на три, если не слишком тратить.

– Значит, на два. Доберемся до ближайшей деревни, найдем фураж. На сухой траве лошади долго не протянут.

– Ерунда.

– Не ерунда. Особенно когда тащишь фургон.

Вейя приволок мешок, и мы накормили животных. К этому времени дождь утих, превратился в противную морось. Костер разжигать не имело смысла – все равно скоро в дорогу. Мы с Шеном забрались в фургон, оставив Юми на страже. Тот, кажется, не возражал.

– Разбуди меня через нар, – попросил я Шена, покосившись на завернутую в одеяло Рону, и, дождавшись утвердительного ответа, провалился в сон.

На этот раз мне ничего не снилось.

– Уйди от меня! Уйди! Ты такой же, как она! Такой же, как Кира! Прочь!

Я вскочил, сжимая в руке нож, понял, где нахожусь и что происходит, и сдержал ругательство. Заплаканная, перепуганная Рона сидела, вжавшись в угол. Напротив нее с миской похлебки стоял ошеломленный и страшно расстроенный Шен. На пальцах правой руки девчонки был иней, кажется, она вот-вот была готова угостить Целителя магией.

Только этого мне не хватало. Нет ничего хуже, чем оказаться в замкнутом пространстве с двумя рассерженными кошками.

– Эй, – негромко окликнул я девушку, убрав нож и привлекая к себе внимание. – Успокойся, пожалуйста. Тебя здесь никто не собирается обижать, иначе это давно бы произошло. Не надо замораживать Шена, как Киру. Право слово, он этого не заслужил.

На какое-то мгновение мне показалось, что она меня не слушается, но Рона ссутулилась и отпустила «искру». Я перевел дух и, стараясь не делать резких движений, подошел ближе. Взяв из рук Целителя миску, глазами указал ему на выход. Тот не стал спорить, хоть и нахмурился недовольно.

Когда он ушел, я сел рядом с потупившей взгляд Ходящей.

– Тебе надо поесть. – Я протянул ей миску, но она не сделала попытки ее взять. Тогда я поднес ей ко рту полную ложку. – Если ты умрешь от голода, легче никому не станет.

В полном молчании Рона съела всю похлебку. Я забрал ложку и, помедлив, произнес:

– Спасибо, что спасла меня.

Она наконец-то подняла на меня глаза и сказала неохотно, словно с трудом:

– Пожалуйста.

– Ты нездорова. У тебя жар. Пожалуйста, ложись. Сейчас посмотрю, какие травы у нас есть.

Она прилегла и закрыла глаза:

– Это Дар. Лекарства не помогут. Надо спать. Просто спать...

Я встал и, пригибаясь, чтобы не задеть головой потолок, направился к выходу.

– Когда он пользуется Даром, его «искра» темна, – остановил меня ее тихий голос. – Он – зло. Такой же, как Проклятая.

– Не носи чушь, Ходящая! – Я начал злиться. – У твоей подруги Киры не было в «искре» никакой тьмы, но, как вижу, ты не слишком любишь вспоминать о ней! Поверь мне, несмотря на пугающие тебя способности, Целитель гораздо лучше ее! Очень надеюсь, что больше недоразумений с Шеном не будет. Он все время с тобой возится и печется о твоём здоровье, так что кидаться в него боевыми плетениями по меньшей мере невежливо. Ты понимаешь меня?

– Да, – ответила она и задумчиво прикусила губу.

– Ну что? – вскинулся Шен.

– Ничего. – Я сел рядом. – Лучше бы тебе к ней не приближаться.

– Рона не причинит мне вреда.

– Да ну? Это ты ей расскажи.

– Она все еще не в себе.

– Я это и говорил, – не стал спорить я. – Но сейчас девчонка собиралась попробовать твою шкуру на зуб. Разве не так поступают Ходящие со всеми отступниками?

– Я сам разберусь! Ладно?!

– Да как угодно, – пожал я плечами. – Буду рад, если вы не поцапаетесь и не разнесете

мой фургон в клочья. Стоп! Сколько наров я спал?

Я лишь теперь обратил внимание, что солнце только-только выползает из-за горизонта, хотя по всем моим подсчетам должно садиться. Да и погода изменилась – в облаках появились разрывы, прекратился дождь, зато ветер усилился и без перерыва дул с востока, обжигая холодом.

– Всю ночь.

– Я же просил разбудить!

– Ну а я не послушался! – зло бросил он, все еще раздраженный ситуацией с Роной.

Я не стал с ним препираться. Толку от этого не было никакого, к тому же ничего страшного не произошло. Все как-то обошлось без меня, а я, в свою очередь, только отдохнул и больше не чувствовал себя размазанным по стенке.

Целитель еще раз покосился на фургон, поборол желание пойти к девчонке и остался со мной. Юми куда-то смылся. Мы были одни.

– Сколько осталось до Долины? – Шен с тоской смотрел на лошадей.

– Будем там не раньше второго месяца осени, – прикинув, ответил я. – Возможно, чуть позже.

Целитель показательно застонал.

– А ты что думал? Посмотри, какая дорога. Мы ползем, словно улитки, и это будет продолжаться до наступления холодов. Так что наберись терпения и наслаждайся видами.

Он с чувством сообщил, куда следует деться этим видам и мне. Я лишь понимающе усмехнулся. Мальчишка был рассержен на Рону. Как только шарики у нее в голове хоть как-то пришли в норму, их, можно сказать, встреча пошла совсем не так, как он ждал. К тому же Целитель понимал, что медленным путешествием обязан только себе, так как сам предложил взять фургон, заботясь о Ходящей.

Мы за полнара запрягли лошадей и выехали на тракт, не беспокоясь о Гбабаке и Юми. Им было не впервой уходить.

К обеду местность немного изменилась. На севере появились невысокие, едва различимые отсюда, расплывшиеся от времени курганы. Меня они даже не насторожили. Вряд ли древние могильники опасны. Если бы нас хотели сожрать покойники, то сделали бы это сразу после смерти Проказы, в поместье.

– Слушай, Шен. Когда я шлепнул Тиа...

– Едва не шлепнул, – поправил он меня.

– Вот-вот. Тогда повылезало много покойников. В Плещи. Помнишь?

– Да уж. Не забуду. Побочный эффект темной «искры».

– Но с Тальки такого не произошло.

– Разумеется! «Гаситель Дара» выпил всю ее тьму без остатка. Остался только дождь.

Я не слишком удовлетворился этим объяснением и задумался. Он это заметил и, конечно же, поинтересовался, что меня гложет.

– Нестыковка, малыш. У Ласки тоже была темная «искра».

– А, – понимающе протянул он. – Ясно, о чем ты. Лаэн не Проклятая, которая касалась Дара столетиями. Поэтому ничего и не было. Иначе после смерти каждого некроманта... Ну что опять?

– Насколько я слышал от нее, так называемые всплески происходят после смерти и тех, кто не жил несколько веков.

– Да ну тебя! Что тебе эти мертвецы дались! – вспыхнул он. – Не знаю я, почему так

случается, и точка! Тебя такой ответ устраивает?!

Следующий нар мы проехали в молчании. Небо вновь начало затягиваться, и я поспешил набросить плащ. К вечеру как пить дать вновь зарядит треклятый дождь. Я отдал Целителю поводья и слезил в фургон. Рона свернулась клубочком, тихо всхлипывая во сне, я взял лежащий у стены лук и вернулся обратно на козлы.

– Спит, – ответил на молчаливый вопрос Шена.

Когда мы угодили в засаду Белых, я лишился всего оружия. Было ужасно жаль у-так. Я прошел с ним весь Сандон и потерял из-за проклятого Хамзи, не придумавшего ничего лучше, как превратить метательный топорик в черный порошок. Даже сгоревший лук было не настолько жалко. Ему я нашел замену, хорошенько покопавшись в оружейной хозяина поместья и выбрав из всей кучи барахла, совершенно не подходившего мне по руке.

Тисовый, почти два ярда в длину, лук оказался настоящим чудовищем и был гораздо тяжелее рядового двуручника. Натянуть на такую оглоблю тетиву без должного опыта и крепких рук просто невозможно, зато при случае не нужно искать боевой шест. Думаю, если войти в раж, этой орясиной можно забить даже кого-нибудь из Проклятых.

Прежде чем взять лук, я осмотрел волокна на древесине и убедился, что им практически не пользовались, а значит, я не останусь с двумя обломками посреди битвы. Разумеется, при таком весе и размере ни о каких иных крупных предметах, отправляющих людей в Счастливые сады, и речи идти не могло. Я бы просто надорвался. Поэтому недолго думая разжился лишь длинным ножом в простых кожаных ножнах.

Количество стрел в колчане тоже пришлось ограничить. Когда их становилось больше дюжины, я довольно быстро начинал исходить потом. Да и с поиском подходящих пришлось провозиться больше нара. Я перебрал несколько сотен, а приличных нашел всего двадцать четыре.

Так как лук был мне совершенно незнаком, пришлось налаживать с ним общение. Поэтому, смастерив мишень, каждый вечер я до изнеможения упражнялся в стрельбе, привыкая к новому напарнику.

– Меня пугает эта дубина, – сказал Шен.

– Это хорошо, – одобрительно кивнул я. – Значит, и другие дважды подумают, прежде чем лезть к нам.

– Не надейся, что он избавит тебя от всех неприятностей.

– От всего избавляет только смерть, – резонно возразил я. – Чему ты улыбаешься?

Он недовольно покосился на меня и неохотно снизошел до ответа:

– Роне стало лучше.

– Да ну?

– Она опять может касаться «искры» и контролировать Дар.

– Чудак человек, – вздохнул я. – После того как Проклятая вывернула наизнанку ее голову, девушка останется больной, даже несмотря на временные просветления рассудка. И я бы не стал радоваться соседству свихнувшейся Ходящей, знающей смертоубийственные фокусы.

– Она безвредна!

– Тебе, с твоими новыми способностями, лучше поостеречься. Я, между прочим, не ради тебя прошу, а ради Ласки. Она достаточно успела с тобой намучиться, чтобы ты так глупо отдал Мелоту душу. Но если ты прав – я рад, что она излечивается. Честно. Думал, что перековка сознания необратима.

– На счастье Роны – похоже, старая ведьма оказалась не слишком искусна.

Я не стал заострять внимание на том, что неопытный мастер порой куда хуже опытного. Ломать – не строить. Но оставил этот комментарий при себе.

Из травы на дорогу впереди выбрался блазг. Он приветственно помахал нам рукой, и Целитель сделал то же самое. Когда мы приблизились, я остановил лошадей. На загровке квагера, привычно уцепившись за ядовитые шипы, восседал Юми.

– Где пропадали? – дружелюбно поинтересовался Шен.

– Гулять. Смотреть. Молиться. Охотиться, – улыбнулся Гбабак, и его желтые веки на мгновение закрыли полупрозрачные перепонки.

– И как? Удачно?

– Вот так, собака! – подтвердил вейя, легко прыгнув на крышу фургона.

– Мы строить лагерь. Надо отдохнуть. Скватор дождь.

– Хорошо. Показывайте дорогу.

Лошади еще не устали, но я не видел причин, почему бы не задержаться и чего-нибудь не съесть.

Блазг тяжело пошлепал по лужам, затем сошел с тракта и показал нам утоптанную полянку. В неглубокой яме уже трепетал огонь. Освеженный сайгурак лежал тут же.

– Хорошая еда, – оценил я трофей.

– Это не я поймать. Это Юми, – великодушно заметил Гбабак.

Мы с Шеном с удивлением воззрились на застеснявшегося спутника квагера. Оставалось только догадываться, чем и как он смог завалить столь крупное для него существо.

– Юми заметить, что за нами идти.

– Кто и где? – спокойно спросил я, видя, что Шен, помимо своей воли, хватается за кинжал.

– Человеква. Верхом. Он осторожен. Идти по следам, но не приближаться.

– Разведчик?

– Вот так, собака!

– Юми говорить, что он не походить на разведчиква. Мало что уметь. Его было видеть издаleckва. Просто ехать за нами, и все.

– Мне это не нравится, – выразил общее мнение Целитель.

– Мне тоже. Но суетиться рано. – Я подошел к фургону, взял лук и колчан.

– Ты куда?

– Проверить, что ему надо.

– Я с тобой!

Угу. Так я тебе и позволил. Только Ходящего с горячей кровью мне сейчас и не хватает.

– Нет. На тебе Рона.

Это подействовало, и он сразу же раздумал бегать вместе со мной по окрестностям.

– Мне сходить с тобой, друг?

– Нет, – подумав, решил я. – С одиночкой справлюсь. Лучше тебе остаться в лагере на тот случай, если в округе шастает кто-то еще. Юми может посмотреть, нет ли поблизости засад?

– Вот так, собака! – пискнул вейя и скрылся в траве.

Я упер плечо лука в землю, задержал дыхание, напряг мышцы, всем весом налегая на оружие, и свободной рукой забросил петельку тетивы на второе плечо. Быстро изучил

стрелы, оставил в колчане только шесть.

– Если через нар не вернусь, начинайте волноваться.

Шен насупился, но не стал возражать. Думаю, он еще сильнее расстроится, если проверит свою сумку. Втайне от него я временно прикарманил «Гаситель Дара». Моя осторожность твердила о том, что за последний год рядом со мной стало появляться гораздо больше носителей «искры», чем за всю предыдущую жизнь. Если по нашим следам идет некромант, то у меня хотя бы будет шанс противостоять ему.

Первую часть пути я проделал по дороге, затем, когда отошел от лагеря на достаточное расстояние, забрался в траву и начал пробираться вдоль тракта. Приглядев удобное местечко, устроил засаду.

Словно по закону подлости, тут же начал накрапывать дождь. Я расстроено зашипел и, стянув с себя плащ, укрыл лук. Состояние тетивы беспокоило меня гораздо больше, чем собственное здоровье и сухая одежда.

Видимость из-за зарослей была не ахти какая, а чтобы выстрелить, мне и вовсе пришлось бы встать в полный рост, зато я нисколько не сомневался в том, что с дороги меня не видно. Ветер шумел, трава шелестела над моей головой, дождь усиливался, а я бесконечно думал о Лаэн. Наверное, рано или поздно это сведет меня с ума. Я начинал жалеть, что тогда не послушал Шена и не рискнул. Стоило попытаться вбить в шею Проказы стрелу. У меня бы получилось. У меня должно было получиться.

Я услышал, как фыркнула лошадь. Осторожно привстал, посмотрел и тут же забыл о луке. Этого человека, пускай он и изменился с момента нашей последней встречи, я узнал. И убивать его было бы глупым расточительством. Во всяком случае, в ближайшую пару минок.

Я поспешно зашарил по земле и нащупал камень неправильной формы размером с перепелиное яйцо. Вытащил из кармана самодельную кожаную пращу и, как только чужак миновал то место, где я прятался, встал на ноги, крутанул оружие над головой и метнул снаряд.

Камень, как я и рассчитывал, ударил по касательной, черкнув по затылку. Мужчина нелепо свесился с седла и рухнул в дорожную грязь и лужи, подняв вокруг себя тучи брызг. К моему удивлению, сознания он не потерял и теперь, встав на четвереньки, ошеломленно тряс головой.

Я бросился к нему.

Он меня заметил, по его рукам пробежали голубые искры. Но в следующую уну я уже налетел на противника, и мы кубарем покатались с дороги в траву, а затем застыли. Порк, а точнее, Тиф, занявшая тело деревенского дурачка, больше не пыталась воспользоваться магией – я приставил к ее шее «Гаситель Дара».

– Убьешь меня? – спросила она.

Карие глаза Проклятой были уставшими, но я не увидел в них страха.

– Назови мне хоть одну причину, почему я не должен этого сделать. – Нож я держал крепко, и моя рука не дрожала.

– Я помогу тебе найти того, кто убил Проказу и твою женщину. И отомстить, – просто сказала она.

– С чего мне верить Убийце Сориты?

– Потому что я хочу мести гораздо сильнее, чем ты. Уничтожить их я жажду больше, чем кого либо еще! Так что выбор у тебя небольшой – или зарезать меня здесь, или принять мою помощь. В последнем случае вам всем придется довериться Проклятой.

Я еще раз посмотрел в ее глаза, неохотно убрал руку с «Гасителем» от ее шеи и встал. Освободившись, она не сделала попытки напасть. Лишь потрогала кожу, на которой выступила рубиновая капелька крови, и сухо произнесла:

— Правильный выбор, Светловолосый.

— Меня зовут Нэсс.

До наступления сумерек оставалось не больше полунара, и с каждой минкой степь становилась все мрачнее и неприветливее. Пожалуй, я так же, как и Шен, ждал, когда же мы оставим эту местность позади. Еще неделя – и трава, даже самая высокая и густая, перестанет бороться с ветром, ляжет, оставив после себя продуваемую пустошь. Тогда станет еще холоднее, чем сейчас.

Мы намеревались к этому времени добраться до более обжитых земель.

Выдернув из земли очередную стрелу, я наложил ее на тетиву, легко вскинул «прирученное чудовище», как называл мой лук Шен, натянул на разрыв и, почувствовав, как щеки коснулось оперение, разжал пальцы. Стрела по пологой дуге ушла в небо, приблизилась к низким, опасливым облакам, едва не задела их животы и, начав смертельное снижение, через пару ун задрожала в мишени.

– Вот так, собака! – победно прокричал Юми, подпрыгнул, сделал сальто через голову и словно кошка приземлился на все четыре «лапы».

– Он сквазать, что очень, очень впечатлен, – перевел находящийся тут же Гбабак. – Попадать с триста пятидесяти ярдов!

– Рад, что смог вас развлечь, ребята, – сказал я, поднимая куртку, и, на ходу надев ее, направился к мишени.

Вейя увязался следом.

Я не возражал, когда он помог мне вытащить стрелы и сложить их в колчан. Подхватив сколоченную из палок треногу и взвалив ее на плечо, я направился в обратный путь.

Блазг с интересом изучал лук, крайне осторожно пробуя тетиву и боясь переломить оружие, словно тростинку.

– Мы такваким не пользоваться, – объяснил он, заметив мой взгляд.

– Знаю. Вы предпочитаете у-таки.

Он квакнул, улыбнулся.

– У-таки это для весали^[4], детей и других кваст. Квагеры пользоваться секварами.

Это точно. Я никогда не видел знаменитый Болотный полк, но слышал, что они с легкостью мечут тяжелые обоюдоострые секиры чуть ли не на пятьдесят ярдов. Могу только предположить, какие бреши такие штуки должны пробивать в рядах противника.

– Квак твой себя чувствовать, человеке? Грусть ушла? – с искренней заботой о моем состоянии поинтересовался блазг.

– Я справляюсь, – кисло улыбнулся я.

– Твой не думать, о чем я говорить, – с сожалением произнес он. – Твой убивать себя изнутри. Это плохо.

– Люди отличаются от блазгов. Мы скорбим о тех, кто ушел.

– Вот так, собака!

– Юми говорить, что все скорбят. Но все существа в мире – дети Квагуна.

– Думаю, на этот счет вам стоит побеседовать не со мной, а со жрецами Мелота. Вам будет что рассказать друг другу.

– Вот так, собака. – Вейя заглянул мне в глаза.

– Лань тьмы^[5], кваторая пришла с тобой вчера, выглядит не квак самква. Юми это удивлять. Он бояться, не перепутать ли ты.

– Это Проклятая. Можете не сомневаться. И я, и Шен раньше с ней встречались.

– Мы заметить, – важно кивнул блазг.

Надо было видеть Целителя, когда я вернулся вместе с Тиф. К чести мальчишки можно сказать, что он не бросился на гостью с магией или кулаками, чего я от него вполне ожидал. Но выражение лица Шена говорило само за себя. Он прекрасно помнил, как попал к Тиа в плен, как та катала его над Альсгарой по небесам и как его унижали, втоптав в грязь в буквальном и переносном смысле этого слова.

Весь следующий день он со мной не разговаривал, был мрачен и в конце концов ушел возиться с Роной.

Судя по всему, девчонка прислушалась к моим словам и оставила попытки устроить свару. В себя она приходила не больше чем на нар. Остальное время либо спала, либо проводила в рыданиях и несла полную чушь. На мой взгляд, лучше ей нисколько не становилось, как Шен ни убеждал меня в обратном.

Лагерь я застал точно таким же, каким оставил. Тихим и унылым. Фургон стоял боком к тракту, Пегая и Рыжая паслись вместе с новой лошадей по кличке Сонная. Целитель возился у костра, а Тиф, набросив на плечи теплый свитер, сидела, прислонившись к колесу, и из-под полуприкрытых век наблюдала за мальчишкой. Заметив меня, она наклонила голову. Я оставил ее приветствие без внимания.

– Можно с тобой поговорить? – сухо попросил Шен.

Я, уже зная, о чем пойдет речь, неохотно буркнул:

– Валяй.

– Давай отойдем.

Я пожал плечами:

– Если хочешь. Хотя не вижу в этом смысла.

Когда мы оказались за сто ярдов от фургона, Шен отрывисто спросил:

– Почему ты ее не убил?

– А ты? – усмехнулся я. – У тебя больше причин желать ее смерти. В Альсгаре она хорошо тебя потрепала.

Он дернулся и неохотно ответил:

– Я счел, что, если ты ее сразу не прихлопнул, значит, она нужна. Решил вначале узнать у тебя, что происходит.

Я с пристальным интересом посмотрел на него и улыбнулся.

– Что? – нахмурился он.

– Удивлен, слыша от тебя такие слова. Обычно ты слишком нетерпелив.

– Значит, я не столь безнадежен, как ты! О чем ты только думал, когда притащил ее сюда?!

– Она поможет мне.

– Не мели чушь, гийян! Это даже не змея, пригретая на груди! Она в любой момент откусит тебе голову! И не только тебе!

– Возможно, – не стал спорить я.

– Проклятая ведет тебя, как рыбак глупую рыбу! Я ей не верю!

– Я тоже. Но если с ее помощью я дотянусь до убийцы Лаэн...

– А тебе не приходило в голову, что именно эта тварь убила Ласку?!

– Приходило, – не стал спорить я.

– И что же?!

- У меня нет никаких доказательств.
- Когда это тебя останавливало? – удивился он.
- Тиа не меньше моего хочет смерти неизвестного.
- Да ну?! Она совет недорого возьмет!

– Если это так, то мы ей совершенно не нужны. И она уже давно должна была нас прибить. Ей есть за что нас с тобой ненавидеть. Ты должен это помнить.

– Она убьет нас. Можешь поверить!

– Но пока этого не произошло. И я воспользуюсь ее помощью. Пускай она хоть сто раз

Проклятая.

– И ты вот так просто позволишь ей ехать вместе с нами и свободно гулять, где вздумается?

– А у меня есть выбор? Или ты предлагаешь ее связать?

– Было бы здорово, – пробормотал он. – Только вряд ли поможет.

– И я о том же. Держать ее на поводке не получится. Если Проклятая захочет, то убьет и тебя, и меня. Но я уверен, что пока ей выгодно оставаться с нами. А потом... потом посмотрим. Ты, разумеется, можешь приглядывать за ней – дежурить по ночам и прочее. Надолго тебя не хватит.

– Все равно мы играем с огнем.

– Меня это не остановит, малыш. Меня теперь ничто не остановит. Даже пламя.

Он требовательно протянул руку:

– Верни «Гаситель Дара», который ты так ловко у меня спер.

– Нет.

– Что значит «нет»? – Его скулы тут же вспыхнули от гнева.

– Именно то, что ты подумал. Тебе он сейчас ни к чему. Если я смог завладеть им, то и Тиф сможет.

– Ты не очень-то мне доверяешь.

– Дело не в доверии, а в разумной осторожности. Если клинок попадет в руки Проклятой, твоя жизнь, как и жизнь Роны, окажется в гораздо более серьезной опасности, чем сейчас.

– Куда уж больше! – фыркнул он, но немного остыл. – Ты вернешь его мне, когда мы прибудем в Радужную долину. Мать приказала передать артефакты...

– Как тебе угодно, – солгал я. – Но ты, кажется, не понял, о чем тебе говорила Лаэн. Если сунешься к Ходящим, это будет твой последний дурацкий поступок. Они не выпустят носителя темной «искры». А твоя сейчас именно такая.

– Не говори ерунды. Они даже не заметят. Я Целитель. Моя «искра» не читаема до тех пор, пока я не пользуюсь Даром.

– Интересно, сколько ты продержишься без магии.

– Достаточно долго, чтобы меня выслушали и поняли.

– Как говорится в книге Созидания – блажен, кто верует.

– Не знал, что ты читаешь такие вещи, – усмехнулся он.

– Я полон сюрпризов. Мне нужны законечники.

Он сразу понял, о чем я говорю, и отрицательно покачал головой:

– Нет.

– Вроде ты только что пекся о нашей безопасности? Изменил свое мнение?

– Нет, но...

– Но если Тиф начнет строить из себя темную повелительницу, то, возможно, я не смогу подобраться к ней на расстояние удара ножом и потребуются стрела. Вот тогда из-за твоей жадности мы с тобой и попрыгаем, малыш. Так что давай сюда наконечники. Хватит валять дурака и тратить мое время! Уже почти стемнело!

Он заколебался, собрался было продолжить спор, но неожиданно сдался:

– Бездна с тобой, Серый!

Залез в поясную сумку, вытащил тряпицу, развернул ее и положил мне на ладонь наконечник матово-белого цвета.

– Тебе хватит и одного.

– А если нет?

– Хватит, – уверенно ответил Целитель. – Я видел, на что ты способен.

Возвращались мы уже в полной темноте, ориентируясь на свет костра. Блазг дремал под фургоном, Юми жарил мясо на палочках, Тиф сидела рядом, пытаясь беседовать с Роной. Та сжалась в комок и молчала. Она даже не сделала попытки напасть.

– Эй! Оставь ее! – заорал Шен, мгновенно ринувшись в бой, но я предусмотрительно положил руку ему на плечо:

– Остынь.

– Я не собиралась причинять ей вред, – возмутилась Тиа. – Она сама ко мне пришла.

– Лжешь!

– Успокойся, мальчик, – нахмурилась она, начиная сердиться. – Если не веришь мне, то спроси у своих друзей.

– Рона сама прийти, – подтвердил блазг из темноты.

– Я могу помочь, – доброжелательно сказала Тиф.

– Даже не думай, – процедил Целитель и увел начавшую всхлипывать девушку от костра.

– Вот так, собака. – Вейя приветливо протянул Проклятой мясо.

– Спасибо, – серьезно поблагодарила та.

– Как тебе в этом теле? – полюбопытствовал я.

Убийца Сориты с удивлением распахнула глаза и тут же недоверчиво прищурилась:

– Не думала, что тебя интересуют подобные пустяки.

Она впилась зубами в еще горячее мясо, тщательно прожевала один из кусочков и, видя, что я все еще смотрю на нее, неохотно ответила:

– Ну, раз тебе настолько любопытно – в этой оболочке не слишком удобно. В моем настоящем теле было гораздо комфортнее. Спасибо тебе большое за то, что ты меня сюда засунул.

– Не сваливай с больной головы на здоровую. Ты напала на нас. Мы защищались.

– Бесполезный разговор! – недовольно скривилась она. – Мне меня это не вернет.

Я развел руками. Да. Красотка заперла себя в теле придурка. Вполне достойная кара за все ее грязные делишки.

– Шен как-то рассказывал, что ты на него надеялась.

– Не буду врать, – кивнула Проклятая. – Он мог бы мне помочь вернуться в более подходящую оболочку. Если бы Тальки разгадала плетение, разумеется.

– Безусловно, – холодно улыбнулся я. – А твоим новым вместилищем была бы...

– Твоя женщина, – не дрогнула она. – Поэтому можешь себе представить, насколько я зла на того, кто убил ее и Проказу.

Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы остаться спокойным:

– Ты знаешь, кто за этим стоит?

Она с сожалением покачала головой:

– Нет. Может быть кто угодно. Тальки говорила, что она ожидает гостей.

Я сразу подумал о трупах Ходящих, обнаруженных в особняке.

– Это мог сделать Рован. Если потерял последние мозги. Или Аленари, хотя на нее не похоже. Или Лей, если он решился оставить войска. Или Митифа, если она внезапно поумнела, в чем я лично глубоко сомневаюсь. Или мы все проворонили мятеж в Кругах Избранных, и им надоела наша власть. Тот, кто был там, обогнал меня совсем не намного. И ловко ушел.

– Мы не нашли никаких следов.

– Вы не знали, что искать, – улыбнулась Тиа. – Видел выжженный круг на земле?

– Да.

– Убийца отправился дорогой, недоступной обычным людям. И теперь он может быть где угодно. Нам придется очень постараться, чтобы до него дотянуться.

Я не обратил на это «нам» никакого внимания. Все может измениться в одно мгновение, и Проклятая перестанет быть доброй милашкой. Точнее, как говорит Шен, оттяпает мне голову. Кажется, Тиф поняла, о чем я подумал, так как со значением посмотрела на висящий у меня на поясе «Гаситель Дара».

– Ты все время шла за нами?

– Да. От поместья.

– Я нашел в особняке тела Ходящих. Они не могли стоять за всем этим?

И вновь на лице Порка появилась неприятная гримаса:

– Ты слишком большого мнения о Башне, лучник. В тот день, когда они будут способны уничтожить кого-то вроде Тальки, я навечно уйду в жрицы Мелота. Магия, бушевавшая там, не имеет ничего общего с жалкими потугами последователей Сориты. Это темная «искра». Думаю, что Ходящих Проказа придерживала для себя. Время от времени она любила пить чужую силу.

– Там было много мертвых некромантов. С алыми и зелеными кушаками. Зеленые были у слуг Проказы. Чьи лакеи носят алые?

Она отложила прут, на котором оставалось еще два куска мяса, помедлила и все-таки произнесла:

– Мои.

Гбабак шевельнулся в темноте, подвинулся ближе на тот случай, если понадобится помощь. Я отметил это для себя, сдержался и стал ждать продолжения истории.

– Обычно Избранные ничем не выделяются, если не считать посохов. Лишь тот, кто стоит ближе всего к нам, имеет право владеть тем, что ты только что описал. Зеленые – Тальки, желтые – Митифа, синие – Аленари, черные – Рован, белые – Лей. Алые – мои. Тех, кто был со мной, я не видела с тех пор, как мы взяли Врата Шести Башен. Своих Избранных я отправила вместе с Аленари к Альсу. Затем она взяла их к Гаши-шаку.

– Все так просто? – ядовито поинтересовался вернувшийся Шен и взял у повара-Юми свою порцию ужина. – То есть мы должны поверить, что ты здесь ни при чем?

– Нэсс, надень на своего друга намордник, – попросила Тиф.

– Возможно, она и не лжет. Но я считаю, что Проклятая хочет сбить нас со следа, – не обращая на нее внимания, продолжил Целитель, обращаясь только ко мне. – Или же просто желает с нашей помощью расправиться с Оспой.

Тиа расхохоталась:

– Мальчик, мальчик. Успокойся! Твое самомнение больше, чем у Рована! А уж он, можешь мне поверить, еще та заносчивая скотина! Я, конечно, верю, что вы ребята не промах, но справиться с Аленари вам не под силу. Даже вот с этой штукой, – она указала на «Гаситель». – Так что надеяться, будто вы уничтожите Звезднорожденную, я бы все-таки не стала. И, если честно, я буду рада, если за всем этим не стоит она. Аленари слишком опасный и неприятный противник, чтобы с ней связываться.

– Где Оспа сейчас? – спросил я, перебив открывшего рот Шена.

– Точно не знаю. Где-то у Лестницы. Вместе с Леєм.

Целитель поперхнулся словами и воззрился на нее с недоверием:

– Быть такого не может! Аленари находилась возле Гаш-шаку!

– А Тальки на востоке, – холодно отрезала Тиа. – Следовательно, то, что мы с вами видели совсем недавно, не более чем обман зрения. Вернись в реальный мир, мальчик...

– Меня зовут Шен, Проклятая!

– А меня Тиа! И тебе это прекрасно известно. – Ее глаза были холодны. – Если хочешь нормального отношения, то тебе придется сделать для этого ответные шаги. Аленари слишком далеко от нас, и мы идем не в ту сторону.

– Мы идем туда, куда следует, – сказал я. – Нападавшие прибыли к поместью от Радужной долины. И я не собираюсь совершать путешествие через всю страну лишь для того, чтобы спросить у твоей подруги, не она ли это сделала. Предполагаю, что ответа я не дожусь. Глупо терять след.

– Ты его уже и так потерял. На дороге ничего нет.

– У тебя есть другие интересные предположения?

Она промолчала, и я закончил:

– Так я и думал. Значит, продолжаем путь.

– Вот так, собака! – протяжно зевнул Юми и направился на боковую.

– Пора спать, – я встал вслед за вейей.

– Я подежурю, – вызвался Шен.

Тиа встретила его предложение понимающим смешком:

– Если появится опасность, разбуди меня, мальчик.

Я проследил, как она направляется к фургону, и расположился под навесом, вместе с Гбабаком, вейей и лошадьми. Я был абсолютно уверен, что чуткий Юми не даст Проклятой возможности подкрасться, пока мы спим, и лишит меня ножа. Впрочем, убить меня она может и на расстоянии. Ей незачем для этого напрягаться.

Удивительно, но меня это совершенно не беспокоило.

– Добрых снов, – пожелал мне блазг.

– Вот так, собака, – подтвердил вейя, ловко и быстро сплетая из травы нечто похожее на гнездо.

– И вам того же, – не остался я в долгу.

Улегся, накрылся сверху плащом. Было зябко, но разводить огонь по второму разу не хотелось.

– Лани тьмы не стоит сейчас бояться, – неожиданно сказал блазг.

Я приподнялся на локте, посмотрел в его странные золотистые глаза:

– Неужели? Вы чудные ребята. В отличие от Шена восприняли ее компанию совершенно спокойно.

– Вот так, собака, – высказался друг квагера.

– Он сквазать, что нельзя страшиться тьмы, даже квагда она стоять рядом с твой. Все время ждать зла – это значить проиграть до битвы.

– Чего же мне от нее ждать? Добра? – с иронией поинтересовался я.

– Действий.

– Боюсь, что, когда она начнет действовать, будет слишком поздно.

– Нет. Ты опять не прав. Она исквать не твой. У нее есть причина, почему она с нами. Лань тьмы умна. Она думать. Не квак ты. Понять, что ей надо на самом деле, и твой поймешь, что от нее ждать.

– И вы поняли?

Блазг с вейей переглянулись.

– Да. Лань тьмы исквать не толька мечь. Ей нужно ценнее. Ощутимее. И поква она это не взять, бояться ее – терять время.

– Теперь вам осталось убедить в этом Шена.

– Вот так, собака, – клятвенно пообещал мне Юми, и я, сочтя, что сегодняшняя беседа завершена, завалился спать.

День не задался с утра. То есть с самого моего пробуждения. Над ухом грохнуло так, что я подлетел вместе с плащом и пребольно ударился о землю.

Вокруг бушевал хаос.

Лошади сходили с ума, вейя встревоженно верещал и кричал про собаку, Шен вопил благим матом и вместе с Роной висел в четырех ярдах над землей. Оба были опутаны белыми, ярко сияющими жгутами света.

– Может, вы успокоитесь? – хмуро спросила у них Тиф.

Вид у нее был растрепанный и злой. Нижняя губа кровоточила.

Как оказалось, с утра Рона пришла в себя настолько, что смогла опознать Проклятую, но не настолько, чтобы не бросаться на нее с кулаками. У девчонки и вправду были серьезные проблемы с головой, раз она на такое решилась. На Шена тоже нашло затмение, так как он кинулся ей на подмогу.

По счастью, Тиа сохранила трезвость рассудка и не размазала дураков по всем равнинам Руде. Она просто спеленала их, и у «магов» пострадало только самолюбие. Целителю оставалось лишь ругаться, а Рона, попав под плетение Проклятой, тут же растеряла весь боевой задор и расплакалась.

Разумеется, успокаивать всех пришлось мне. Тиф я попросил отвалить на несколько минок, ученику Цейры Асани посоветовал заткнуться, а на то, чтобы хоть как-то утешить Ходящую, ушло больше нара. Все это время она держала меня за руку, тихо всхлипывала и с ужасом косилась на рассерженную Тиа.

Когда мы отправились в дорогу, я посадил девушку рядом с собой, на козлы, укрыл ей плечи теплым шерстяным одеялом и попытался разговаривать. Но беседы, даже такой, какая у нас случилась в фургоне несколько дней назад, не вышло. И я, осознав всю тщетность своих попыток, отстал.

Наконец она ушла в фургон, уступив место Целителю. Шен смотрел на меня волком, словно в том, что произошло, была моя вина. Тиф ехала позади и не лезла, за что ей все были очень благодарны.

Курганы исчезли, вновь уступив место голым полям. Трава стала гораздо ниже и реже, а

ветер усилился. Пахло прелой горечью, влагой и наступающими на пятки холодами. Гбабак шел рядом с фургоном. Юми, пока не было дождя, дремал на крыше.

Нара через два мы спугнули стадо сайгураков, но никто и не подумал об охоте – мяса хватало. Серо-желтые животные высокими прыжками унеслись на юг. Я, встав на козлах, проследил за ними, с тоской посмотрел на низкое дождливое небо.

– Как насчет управления погодой, Проклятая? – спросил я, когда Тиф приблизилась.

– Мы не во времена Войн Силы, и я не могу осушить моря и разрушить горы по твоему желанию. – Моя наивность ее развеселила.

Начал накрапывать дождь. Я привычно запахнулся в плащ, а Юми проворно спрыгнул с крыши и прошмыгнул в фургон. Воздух вокруг Тиа замерцал, и над ее головой раскинулся бледный купол, останавливающий дождевые капли. Они стекали к краям и падали на землю. Над нами она подобную штуку раскрывать не спешила, а мы не стали просить.

– Я был не прав, – неожиданно сказал Шен, отвлекая меня от тягостных мыслей о смерти Лаэн. – Ты спрашивал о мертвецах после гибели Проказы. Про Проклятую все ясно – ее искру затушил «Гаситель Дара», но некроманты... Они были сильны. Из последних Кругов. А таких в Сдисе не решаются убивать. После их смерти происходит выплеск дыхания Бездны. Часть Дара обязательно растворяется в мире, и из земли выбираются покойники. А в этот раз – ничего.

– Куда ты клонишь? – спросил я, заметив, что Тиф довольно улыбается.

– Она всему виной, – Целитель указал на Проклятую пальцем. – Готов дать голову на отсечение, что это из-за нее куксы не стали бегать по окрестностям. Ведь это ты выпила расплескавшуюся силу, не так ли?

– Верно, – довольно улыбнулась та и участливо осведомилась: – У тебя на этот счет есть какие-нибудь претензии?

– Нет.

– Так я и подумала. Ты пока еще не умеешь собирать то, что выплеснуто Даром.

– Твое «пока» должно меня обнадежить?

– А как же?! – удивилась она. – Думаю, если ты не дурак, то рано или поздно научишься такому фокусу. Не уметь собирать чужую силу – это все равно что не поднимать с земли разбросанные деньги.

– Сила Лаэн тоже у тебя? – сухо спросил я из-под капюшона.

Она вздохнула и подняла на меня невинные глаза:

– Нет. К сожалению. Я не знаю, куда делся ее Дар, но среди того, что висело над поместьем, его не было. Убийца меня опередил.

– Сокрушаешься, что не успела?

– Конечно, – не стала отнекиваться Проклятая. – Твою женщину не вернешь, и то, что осталось от ее силы, ей больше никогда не понадобится. В отличие от меня. Так что между уходом Дара в никуда и присоединением к своей «искре» я всегда выбираю последнее.

Дождь усилился, и стало не до разговоров. Шен вызвался управлять лошадьми, но я отправил его в фургон, оставшись на козлах в одиночестве. Тиф придержала Сонную и теперь плелась позади, найдя компанию у дружелюбного Гбабака. Я то и дело слышал его зычный бас, перемежающийся гулким кваканьем.

Было холодно, руки стыли, и я бы, наверное, здорово замерз, если бы вовремя не надел под плащ лосиную безрукавку. Наша и без того невысокая скорость замедлилась еще больше. Трижды мне казалось, что мы вот-вот увязнем. Приходилось спрыгивать в грязь и брать

лошадей под уздцы, пока блазг пихал фургон плечом сзади. Затем грунт стал более твердым, рыжая степная грязь больше не липла к колесам, и я не заметил, как прошел нар.

– Эй, лучник! Ты в порядке? – окликнула меня Проклятая.

Я с удивлением посмотрел на нее:

– Разумеется, нет! Разве что ты все-таки соберешься и исправишь погоду.

– Через месяц дожди закончатся. На западе это обычное дело. На востоке уже заморозки, а здесь льет, как из ведра. Я ненавидела Радужную долину именно за эту погоду. Ты разговариваешь сам с собой. Что? – Она заметила удивление на моем лице. – Не знал об этом?

– Ты чего хочешь-то? – неприветливо спросил я.

– Крышу над головой. Не люблю тратить «искру» впустую, – любезно пояснила она, ничуть не обидевшись на мой недружелюбный тон. – Я считаю, что та нам вполне подойдет. Смотри.

Я глянул в указанном направлении.

За пеленой дождя, в степи, виднелись черно-желтые, травяные крыши каких-то хибар.

– Хутор... Остановимся?

– Пожалуй. Но надо проверить. Я слышал, что в таких местах путники порой натыкаются на куков.

Она задумчиво прищурилась, услышав, как я называю оживших покойников, затем расслабилась и негромко сказала:

– Пока я рядом, об этом беспокоиться не стоит.

– Превосходно. Но я бы все же проверил. Кроме мертвецов полно других опасностей. Мне бы не хотелось нарваться на отряд набаторцев или озлобленных мародерами крестьян.

– И с теми, и с другими, и с третьими мы тоже без труда справимся.

– Твое самомнение слишком велико. Всегда найдется тот, кто сильнее...

– Вполне возможно...

– Или тот, кто спустит тебя на землю, – безжалостно закончил я. – Такое уже бывало.

Ее глаза сверкнули. Я понял, что попал в цель. Но бури не последовало. Гбабак оказался прав. Мы для чего-то были настолько нужны Проклятой, что она пока готова сносить мои неосторожные фразы. Уверен, что в былые времена за такие словечки мне бы давно оторвали голову.

И я намеревался как можно скорее выяснить, что ей от нас надо. Потому что, если она это получит, плакала моя голова.

– Вот так, собака. – Юми, несмотря на дождь, выскочил из фургона. Следом за ним выбрался Шен.

– Что происходит?

– Собираемся завернуть на хутор.

– По-моему, он заброшен.

– Я тоже так думаю.

– Меня не привлекает идея попасть в очередную Даббскую Плешь.

– Юми сквазать, что он смотреть. – Гбабак привстал на цыпочки. – Но я думать, что логово пустеть давно. Дыма нет. Пахнуть не таква, квак в обживать. Поспешать потихоньку. Не надо стоять на ветре и дожде.

Я отдал Шену поводья и вооружился луком.

Хутор располагался ярдах в двухстах от основного тракта. К нему вела неширокая дорога, заросшая по краям чахлым кустарником. Пегая и Рыжая, словно почувствовав скорый отдых, пошли быстрее. Вернулся Юми, проворным ловким хорьком забрался к Шену, серьезно поведал про собаку, отряхнул короткую зеленоватую шерстку от воды и бесцеремонно завернулся в край его плаща.

– Там пусто, – перевел блазг.

Я спрятал лук обратно в фургон.

Три не слишком больших дома, каждый с хозяйственными постройками, пустыми огородами и чахлыми соломенными крышами, встретили нас гнетущей тишиной. На все поселение был один колодец. Рядом с ним валялась брошенная без колес телега.

Я заглянул в первую из хижин. Толкнул незапертую дверь, оказался в узких полутемных сенях, прошел в единственную комнату. Здесь царил полный разгром. Все вверх дном. Кто-то здорово торопился убраться отсюда.

– Выгружайтесь, – сказал я, выйдя обратно на улицу.

– Почему они ушли? – спросил Шен, помогая мне распрячь лошадей.

– Возможно, бежали, – ответила Тиф, спрыгивая с седла. – Когда начинаются войны, подобных людей пруд пруди. А быть может, мор.

– В таком случае должны быть мертвецы, – возразил я. – Думаю, война согнала людей с обжитых мест.

– И нам не грех воспользоваться подвернувшейся возможностью и переночевать с удобствами, – подхватила Убийца Сориты.

У Целителя на этот счет было свое мнение, но он решил придержать его при себе либо не спорить до тех пор, пока мы не уйдем из-под дождя.

Конюшни здесь не было, поэтому лошадей мы завели в один из свободных домов, здраво рассудив, что хозяева вряд ли станут возражать. Гбабак притащил найденную вейей гору сена. Мы вытерли животных, напоили, накормили и лишь после этого занялись всем остальным.

Очаг в комнате, где было решено расположиться, поначалу сильно дымил, и минок двадцать находиться в доме казалось невозможно. Затем все наладилось, и в помещении, окна которого затягивали рыбы пузыри, стало даже уютно.

Гбабак отказался ночевать внутри, сославшись на то, что тут не так много места и ему душно. Он расположился в сенях, распахнув настежь внешнюю дверь, и перегородил тушей проход. Юми поначалу остался с приятелем, но затем, замерзнув, пришел к нам и, свернувшись у огня калачиком, засопел.

Шен привел Рону. Девчонка вела себя тихо, сидела неподвижно, но настороженно следила за устроившейся подальше от огня Проклятой. Впрочем, периодически глаза девушки становились совершенно пустыми, и она начинала дремать или же бормотать что-то себе под нос. Целитель все время был рядом с ней, и мне начало казаться, что, пока он возится с Роной, та чувствует себя гораздо лучше.

Тиф, необычно молчаливая, думала о чем-то своем. Затем внезапно встала и вышла на улицу. Юми, ни у кого не спрашивая разрешения и не дожидаясь просьб, направился следом. Наш маленький следопыт знал свое дело, и я мог быть спокоен, что он заметит, если Тиа задумала учинить какую-нибудь гадость.

Медленно темнело, дождь умиротворенно шумел по соломенной крыше. Хворост заканчивался, и я отправился в сени за новой партией, но в дверях столкнулся с Проклятой.

Лицо у нее было раздосадованным, она рыкнула, чтобы я не стоял на дороге, и отправилась на свою лежанку.

Юми что-то докладывал Гбабаку, заметив меня, важно пискнул:

– Вот так, собака!

– Он сквазать, что она делать из воды зеркало. Но ничего не получится. Поэтому Лань тьмы злится.

Зеркало из воды. Лаэн говорила мне о такой штуке. Темные используют его для общения друг с другом.

Я, резко развернувшись, направился обратно. И без церемоний грубо спросил у Проклятой:

– С кем ты хотела связаться?!

Она вскинула на меня глаза, уну смотрела непонимающе и даже удивленно, а затем зловеще улыбнулась:

– Ясно. Маленькой дряни следует оторвать лапы.

– Боюсь, у Гбабака тогда возникнут к тебе вопросы, и он перестанет быть добрым.

– Для меня это пустая угроза. И ты это знаешь, – не отступила она, покосившись на прислушивающегося Шена. – Я хотела поговорить с Аленари. Узнать, что она думает о гибели Тальки. Но Звезднорожденная не отвечает.

– Почему?

– Кто ее знает? Она никогда не была склонна к беседам. Впрочем, твой камень крепко саданул меня по затылку. Голова болит до сих пор. Возможно, что-нибудь получится через несколько дней. Не раньше.

– Кому ты заливаешь? – возмутился Шен. – Головная боль мешает концентрации, но не отрезает от «искры». А кроме Оспы есть и другие.

– Да ты знаток! – с деланным изумлением рассмеялась Проклятая. – И к кому же мы обратимся с нашей маленькой проблемой? К Лею? Уверена, он здесь ни при чем. К Митифе? Ты бы доверился идиотке? А быть может, к Ровану? О! Поверь, он-то будет больше всех рад нам помочь и сожрет тебя на завтрак, если только поймет, кто ты есть на самом деле!

– Я ему не нужен. Насколько помню, он ненавидит тебя.

– Верно. Но упускать «искру» Целителя он тоже не будет. Рован извращенец и садист, но не придурок. Он накромсает тебя на тысячу маленьких кусочков и вытащит твой бесценный Дар, а следом за ним – сердце.

Шен презрительно хмыкнул, но спор прекратил, понимая, что Проклятая сказала абсолютную правду.

Рандо посмотрел в окно – груды догорающих головешек, вот и все, что осталось от храма Мелота. Небо медленно теряло черноту, блекло, с каждой минкой светлея. Ветер усилился, его порывы раздували угли пожарища. С запада ползли тяжелые, переполненные водой осенние тучи. Вот-вот должен был начаться очередной дождливый день.

Они сидели в трактире, обсуждая случившееся. Возле камина на трехногом табурете расположился Глум, рядом с ним Йогер и Лофер – двое «леопардов», защищавших Рандо во время схватки. Массивный Водер, наконец избавившийся от доспеха, занял половину скамьи. Перед ним на столе лежал его молот. Тут же устроил себе скудную трапезу Отор, левой рукой перебирающий четки. Юргона не было. В этот самый момент он беседовал с северянином и его болтливым товарищем.

Ильсы тоже не было. Он погиб, отражая атаку, пока Рандо вместе с другими воинами добивал прорвавшихся в деревню набаторцев. Морассец и еще несколько солдат сгнули от магии некроманта, возглавлявшего отряд преследователей. Имперцам удалось противостоять врагам, но ценой потери многих товарищей.

– Восемнадцать, – подвел неутешительный итог Глум. – Еще трое не доживут до середины дня. Двое какое-то время не смогут держать оружие. Девять легко ранены. Про царапины с ушибами и вовсе не говорю. Конечно, мы их здорово потрепали, но тридцать пять человек против... скольких? Мы можем и не выдержать второго натиска. К тому же с ними еще и некромант...

Рандо тут же вспомнил о мертвецах. Вырвись они наружу, и отряд был бы уничтожен. Юргон сказал, что этих тварей под храмом оказалось много. Предположение о том, что крестьяне ушли в леса, было ложным. Не ушел никто. Висельники стали не единственными жертвами в этой деревне. И им еще повезло. Всех остальных побросали в подвал – мертвыми или живыми, никто так никогда и не узнает. А затем пришел некромант, и трупы ожили.

– Почему эти твари раньше не вылезли? – мрачно спросил смуглый Лофер, один из самых опытных «леопардов».

– На все воля Мелота, – вздохнул Отор.

– Мелот здесь ни при чем, жрец. Не его сила удерживала их. И не его сила освободила. – В зал вошел Юргон. Он сбросил с плеч куртку, постелил на лавку, сел. – Белые могут ощущать большое количество трупов в одном месте. Проще ударить туда, чем распылять силу по улице, надеясь зацепить какого-нибудь покойника.

– Ты справишься с некромантом? – Водер рассматривал свои большие, огрубевшие от молота ладони.

Огонек невесело усмехнулся, провел рукой по мокрым волосам, заставив их встать дыбом.

– Он способен поднимать куков. И в большом количестве, как некоторые из нас успели убедиться. А это значит, что он очень силен. Семь-восемь позвонков на посохе. Вряд ли я смогу противостоять ему в открытом поединке.

– Почему же тогда он не раскатает нас в лепешку? – скептически поинтересовался гигант, почесав подбородок.

– Откуда мне знать? Возможно, он не представляет нашей реальной силы и осторожничает. Быть может, просто играет. Быть может – чего-то ждет. А может, одному из

лучников Глума не пригрезилось, и он действительно смог ранить колдуна.

– Уходить надо, – осторожно заметил Глум, явно опасаясь, что его обвинят в трусости.

– Надо, – поддержал Водер, нахмурившись еще сильнее. – Надо. Но дороги перекрыты.

Нас заперли на этом пятачке.

– Уйдем в леса.

– С лошадьми? С ранеными? – Рандо покачал головой. – Этот лес никто из нас не знает.

До зимы будем бродить меж трех сосен. Восточная дорога у Слепого кряжа поворачивает на север.

Нам надо добраться до Катугских гор. И вдоль их отрогов попытаться вернуться назад.

На запад. Возможно, Клык Грома будет еще проходим.

Он в это не слишком-то верил. Да и другие тоже. Но у них оставался лишь трудный и опасный путь через северную часть Империи. Одна надежда – что набаторцев там гораздо меньше, чем в центральной, через которую они так и не смогли прорваться.

– Ну, раз мы не хотим умереть в этом паршивом местечке, надо послать разведчиков по восточной дороге. Повезет – проскочим. Я распоряджусь. – Водер тяжело поднялся из-за стола.

Рандо не стал возражать и отдал приказ «леопардам»:

– Возьмите людей. Позаботьтесь о мертвых. Головы долой. Затем оттащите в крайнюю избу и сожгите. Всех мертвецов, – и, видя, как окаменели лица рыцарей, с нажимом сказал: – Всех. И своих, и чужих.

– Не по-людски это как-то, милорд, – покачал головой Глум. – Ведь наши...

– Ты забыл, что рядом ходит некромант. Если он еще раз применит силу, нас сожрут, точно свиную колбасу. Я не могу этого допустить.

– Спорить бессмысленно, – согласился Юргон. – Я бы отдал точно такой же приказ. Ступай с «леопардами», Глум. Поговори с людьми.

Когда хлопнула дверь, Рандо скривился:

– У тебя такие же мерзкие ощущения, как и у меня?

Огонек пожал плечами:

– Ты все сделал правильно. Можешь считать это словами утешения.

– Вот уж в чем я точно не нуждаюсь! – фыркнул рыцарь. – У тебя еще осталась та дрянная трава?

– Опять жар?

– Немного, – признался Рандо. – Что с пленными?

– Я их отпустил, – равнодушно сказал Юргон, наливая воду в жестяную кружку.

– Как?! – взвился рыцарь.

– Все нормально. Успокойся. – Маг был невозмутим.

– С каких пор ты здесь командуешь, Юргон?! – зло отчеканил молодой человек. – Это мой отряд. И моя ответственность!

– У тебя ответственности по горло. Ты скоро захлебнешься ею. Считай, что я спас тебя от лишней траты времени. Я поговорил с ними. Они не лгут. То, что поведали эти ребята, мог знать только тот, кто был в Башне. И не в Преддверии. А в самом сердце. Я уверен, им можно доверять.

Рыцарь подошел к магу вплотную. Он был выше и физически сильнее Огонька. И не боялся его «искры».

– Это последний раз, когда ты принимаешь важное решение, не посоветовавшись со мной. Я понятно объясняю?

– Вполне, – невозмутимо произнес тот.

...В воздухе остро и неприятно пахло дымом. Рандо смотрел на черную выжженную землю и все еще тлеющие головешки – остатки огромного погребального костра. От погибших солдат к утру остался лишь пепел.

Он знал, что поступил правильно. Живые важнее мертвых. Но на душе сгребли кошки. Кроме него возле пепелища находился только Отор – остальные или отдыхали, или несли дежурство. Жрец помолчал какое-то время, затем поплевал на мозолистые ладони и взялся за лопату.

– Грешно, если они не получают последнего пристанища, – пояснил он, поймав на себе задумчивый взгляд рыцаря. – Предам земле немного пепла. Думаю, это справедливо. Конечно, здесь не только наши, но и набаторцы, но Мелот учит нас прощать врагов своих. Особенно если это происходит после их смерти. – Отор хрипло рассмеялся. – Иногда я нахожу книгу Созидания ужасно смешной. Тот, кто ее писал, был не лишен понимания житейской сути.

– Ты опять кощунствуешь...

– Мелот простит своего слугу. Он всегда так делает, если мы не замыслим зла. – Разговаривая, жрец не переставал работать. – Ты не видел Юргона, сын мой? Хочу поговорить с ним по поводу сожженного храма.

– Я не уверен, что у него был выбор... – хмуро бросил Рандо.

– И я тоже. Поэтому надо объяснить ему, что на нем нет греха за этот поступок. Дом Мелота – святое место, но он не в обиде за пожар. Души, вырванные колдуном из Счастливых садов, обрели покой, пройдя сквозь очищающее пламя. Огонь был во благо. Поэтому нехорошо, если сердце Юргона будет терзать вина. Он должен знать, что бог любит его не меньше, чем раньше.

Рыцарь не стал озвучивать мысль о том, что вряд ли Огонек сейчас мучается угрызениями совести.

– Я передам ему твои слова.

Отор сосредоточенно хмыкнул и налег на лопату.

Дождь, который должен был пойти еще на рассвете, так и не начался. Пасмурное утро неожиданно стало ясным днем. Ветер прогнал серые тучи на восток, за Слепой кряж, и обнажил по-осеннему глубокое небо. Солнечные лучи грели пропитавшуюся влагой землю, и казалось, что выматывающих серых дней непогоды вовсе не было. В такой момент легко расслабиться, предаться ложному чувству безопасности и... превратиться в покойника.

Но солдаты и не думали ловить ворон – соседство с некромантом заставило всех быть начеку. На восточной дороге сооружали большую баррикаду.

– Время работает не на нас, – сказал Рандо Водеру.

– Это так, племянник. Южане не идиоты, чтобы лезть туда, где их ждут. Будут искать другую точку прорыва. Поселок, конечно, маленький, но и нас не так много, чтобы заткнуть все дыры.

– Их тоже не тысяча, раз мы еще живы. Наблюдатели на колокольне предупредят об опасности. Будет несколько минок, чтобы перебросить силы.

– Главное, чтобы не произошло одновременных атак с двух направлений, – проворчал Водер, словно медведь. – До ночи все должно быть спокойно. Но переживем ли мы ее... Хочешь совет?

– Я и так знаю, что ты скажешь. Следует уходить. Да. Я с тобой согласен. Все достаточно отдохнули. Можно попытаться прорваться. Но скольких мы потеряем? А если дальше, на дороге, они догадались поставить заслон? Лошади не пройдут. Собьемся в кучу. Да и при скачке растянемся на четверть лиги, перещелкают по одному. Когда вернутся разведчики, я приму решение. До наступления темноты около восьми часов.

Водер смотрел на пустую дорогу:

– Не уверен, что наше бегство что-то решит. Они словно знали, где нас ждать. И загнали в лову...

Он осекся, так как на колокольне низко затрубил рог.

– У реки! Быстрее!! – долетел крик наблюдателей.

Когда Рандо вместе с Водером и несколькими солдатами оказались рядом с мельницей, все уже было кончено. Один из солдат сидел на земле, зажимая рукой хлещущую из разорванного плеча кровь, второй суетливо рвал на повязку чистую тряпку.

– Лекаря! – зычно гаркнул Водер.

Неприятно пахло ряской, смертью и... страхом. После долгих дождей течение реки было необычайно сильным, редкие желтые листья неслись по темной маслянистой воде, словно подхваченные ураганом парусные корабли купцов Золотой Марки.

Северянин стоял над двумя трупами, негромко переговариваясь с Йогером – высоким сухопарым «леопардом» с орлиным носом. Оба мертвеца у их ног оказались страшно изрублены. Обляпанные грязью головы лежали тут же. Рандо узнал погибших и едва сдержался, чтобы не помянуть Бездну. А вот дядя, не стесняясь, высказал несколько соображений по поводу неудачного года в общем и кровопийцы-некроманта в частности.

– Боюсь, командир, от этих разведчиков мы уже ничего не узнаем, – мрачно произнес Йогер, и рыцарь нахмурился еще сильнее.

Самые опытные из его следопытов, отправившиеся с утра на разведку, были мертвы.

– Что произошло?

«Леопард» пожал плечами, посмотрел на подтягивающихся к месту схватки солдат.

– Мы... тут... были, – прохрипел раненый солдат, над которым уже колдовал полковой лекарь, накладывая давящую повязку. – Я отошел. Чтобы посс... по нужде. Вон. За кустик. К реке спиной повернулся. Всплеск услышал, начал оборачиваться, и тут эта... тварь в плечо вцепилась. Кольчугу, словно бумагу, порвала... гадина. Заорал. Хорошо, что северянин рядом был. Выручил. Порубил их в капусту.

Га-нор предпочел промолчать.

– У нас не хватит людей, чтобы расставить везде караулы, – наклонившись к Рандо, произнес Водер.

– Это и не понадобится. Достаточно двух патрулей. Предупреди, чтобы никто не ходил поодиночке.

– Хорошо. Ты куда?

– Следует проверить подходы к лесу.

– Надеюсь, сам туда не полезешь? – поинтересовался пробравшийся через тростник Юргон. Он безразлично посмотрел на трупы и счел нужным пояснить свое странное появление и перепачканные до бедра штаны: – Поставил еще одну ловушку на случай, если они облюбовали реку. Но это мой последний вклад в оборону. «Искре» понадобится время, чтобы восстановиться.

– Сними ее, – посоветовал Рандо. – От тебя гораздо больше толку в открытом бою.

Незачем расходовать силы на то, что может и не понадобится.

Маг с сожалением осмотрел изгвазданную одежду, огорченно выпятил нижнюю губу:

– Выходит, зря я там мок. А насчет леса ты прав. Надо пытаться уйти туда. Вот только раненые...

– Носилки уже делают, – хмуро произнес Рандо. – Но вначале нужна разведка.

– У нас больше нет разведчиков. Придется идти вслепую. Или прорываться по восточной дороге. К Слепому кряжу. Я постараюсь обеспечить поддержку и отвлечь некроманта.

– Только не дорога, – отрицательно покачал головой рыцарь. – В суете нас расстреляют, как зайцев.

– Я Огонек, а не воин. Но я знаю, что колдун, который находится где-то там, – он неопределенно махнул рукой, – медлит неспроста. Он выжидает, и меня это очень беспокоит. Сколько погибнет? Десять? Двадцать? Но кто-нибудь из нас прорвется. А если Белый придет сюда, придет всерьез, а не как в прошлый раз, – живым не уйдет никто.

– Жертвовать одними ради спасения других рано или поздно придется. Но жертва не должна быть напрасной. Терять людей из-за спешки и плохо проведенной разведки – верх глупости. – Молодой человек заметил, что северянин стоит недалеко от них, дожидаясь окончания беседы.

– Тебе что-то надо? – Рыцарь постарался, чтобы слова не прозвучали резко.

– Да, – склонил голову рыжий. – Мы с другом застряли здесь не по своей воле. Не знаю, сколько вы будете тянуть. Но мы не желаем дожидаться зимы. Хотим уйти сегодня ночью.

Водер негромко заворчал, но Рандо показал, что следует помолчать и послушать.

– Я следопыт. Проверю и лес, и дорогу.

– Взамен на что?

– Ни на что. – Га-нор пожал плечами. – Я ведь сказал – нам нужно уйти. Мы торопимся. Если там можно пройти – пройдем вместе. Не захотите – уйдем одни.

– Я не слишком тебе доверяю, сын Ирбиса, – счел нужным заявить Водер.

Северянин с каменным спокойствием выдержал испытующий взгляд «леопарда».

– Иди, – принял решение Рандо. – Но без своего приятеля. Он останется здесь.

– Превосходно, – улыбнулся следопыт.

– Глум, – окликнул молодой рыцарь командира лучников. – Проследи, чтобы его пропустили без помех.

– Надеюсь, он не отправился к набаторцам с рассказом о нас, – проворчал Водер, когда рыжий ушел.

– Не стоит искать тьму там, где ее нет, – философски заметил Юргон, прежде чем Рандо что-то ответил. – Забудьте о шпионах. Опасайтесь колдуна.

В небе тоскливо закричали журавли. Рандо рей Валлион поднял голову и, заслонив глаза от яркого солнца, проследил, как птичий клин, мерно взмахивая крыльями, плывет на юг.

Их призывные крики звучали точно так же, как в тот день, когда мрачный и подавленный Водер привез черную весть его матери. Отец Рандо погиб на Гемской дуге, сражаясь на правом фланге против отборных частей Высокородных дельбе Васке. Так что теперь журавлиная песня для молодого рыцаря ассоциировалась лишь с одним – близостью смерти.

Рандо окинул взглядом крыши осиротевших деревенских домов. Запах гари так никуда и не исчез. Водер громко сопел, шагая рядом, и то и дело перекладывал боевой молот с одного

плеча на другое.

Они добрались до таверны, вошли в пустой зал. Старший рыцарь достал из дорожной сумки истершуюся за время путешествия карту. Ее углы были смяты, на месте сгибов появились дыры. Расстелив пергамент на столе, Водер склонился над поблекшим рисунком.

– Лошадей придется бросить, – нарушил молчание Рандо.

– Правильное решение, – одобрил дядя. – Будем надеяться, что северянин принесет нам хорошие вести.

Окутанный осенним увяданием лес уже успел погрузиться в сладкую полудрему – предвестницу глубокого сна, приходящего каждый год, как только приближается зима. Золотые ветви, частично лишенные листвы, шумели над головой Га-нора, нашептывая ему ласковую, едва слышную колыбельную песнь.

Сын Ирбиса не спеша пробирался по одной из множества проложенных среди посеревших папоротников троп, по которым не раз и не два ходили крестьяне. Лес был щедр к ним. Всегда делился с людьми хворостом, грибами, ягодами и зверьем. Теперь жители деревни мертвы, а солдатам не до лесных даров.

Миновав несколько больших вырубок, северянин остановился возле ели, на шероховатом стволе которой все еще были заметны старые, сделанные топором зарубки. Следопыт в сотый раз прислушался. В ветвях шумел ветер. Немногочисленные птицы вносили в унылую осеннюю тишину хоть какое-то подобие жизни.

За еловой рощей начинался небольшой овражек, заросший умирающей крапивой, на дне которого бежал ручей, несший желтые листья. Едко пахло сыростью и увяданием. Га-нор, легко ступая и стараясь избегать сырых участков, на которых его следы стали бы особенно заметны, побежал вдоль оврага. Примерно через десять минок он, глянув на бьющее через ветви солнце и определив направление, оставил ручей у себя за спиной.

Здесь не стало никаких троп, даже звериных, но следопыт пробирался дальше и дальше, впрочем, ни на миг не забывая об осторожности. Его расчет был прост – сделать большую дугу по лесу, обойти возможные посты набаторцев и выйти к их лагерю там, где они этого меньше всего ждут.

Возле молодой осины он остановился и освободился от ремней, удерживающих на спине выпрошенный у Глума арбалет. Громоздкое и достаточно тяжелое оружие было не слишком удобно во время разведки, но сын Ирбиса понимал, что если Уг отвернется от него и встреча с колдуном все же произойдет, то единственный шанс убить Белого – это болт, а не меч. Для себя северянин решил, что если только ему представится случай и он сможет подобраться к некроманту на расстояние выстрела, то попытается убить слугу Проклятых.

Смерть некроманта стоила того, чтобы рискнуть.

Просунув ногу в стремя, он двумя руками, с усилием, натянул тетиву и поставил ее на зацеп, но не притронулся к трем толстым болтам, что покоились за поясом, недалеко от ножен с длинными парными кинжалами.

Если его расчеты были верны, от того места, где он стоял, до дороги не больше трехсот шагов. Несколько минок Га-нор двигался параллельно тракту, а затем начал приближаться к нему.

Потянуло легким дымком костра, и почти тут же в отдалении заржала лошадь. Листва и предательские ветки под ногами следопыта не издали ни звука. Легкий шаг человека не потревожил их. Впереди показался просвет, и северянин, прижимаясь к деревьям, прошел двадцать ярдов, забросил арбалет за спину, затем лег на живот, прополз до низкорослого

кустарника и встал на колени. Оценив расстояние до ветви над головой, он взвился в воздух, точно большой рыжий дикий кот. Сильные пальцы клещами впились в древесную кору, воин подтянулся, закинул ногу и оказался наверху. Словно опытный канатоходец, в два удара сердца, добрался до ствола и уселся в древесной развилке, скрывшись от чужих глаз за стеной желтой листвы.

Отсюда открывался прекрасный вид на большую поляну, окруженную кленами. За ними едва виднелась восточная дорога. Набаторский лагерь оказался большим. Га-нор насчитал больше восьмидесяти человек, почти столько же лошадей. Часть солдат устанавливала походные палатки, словно они собирались остаться здесь надолго. Остальные воины обтесывали свежесрубленные деревца, и у ног «плотников» уже лежала целая груда заостренных кольев. Га-нор не сомневался, что совсем скоро на тракте возникнет серьезная преграда для лошадей. На дальнем конце поляны, как раз напротив дерева, где прятался сын Ирбиса, неподвижно стояла четверка мортвов. Набаторцы старались не приближаться к ним и обходили тварей дальней дорогой. Некроманта нигде не было видно.

Следопыт проторчал в укрытии больше полунара, но так и не заметил человека в белой мантии.

Оставаться дальше было опасно, и Га-нор соскользнул вниз.

Оставив временный лагерь позади, он обошел возможные посты, добрался до дороги и теперь крался вдоль нее, держась пролеска и избегая открытых пространств. Первый секрет воин обнаружил сравнительно легко. Южане даже не удосужились спрятаться. Болтали на своем грубом языке и в ус не дули. Следопыт не стал с ними связываться, проскользнул за спинами ничего не подозревающих сторожей и углубился в лес. Шагов через четыреста разведчик выбрался на прогалину, где солнечный свет золотил густой ковер из влажных лимонно-желтых листьев, и наткнулся на второй патруль.

Трое набаторцев о чем-то отчаянно спорили. Рыжий мечник не слишком хорошо знал их речь, но, судя по отчаянным жестам и резкому тону, южан что-то встревожило.

Один из них, чтобы прекратить спор, махнул рукой и опрометью бросился бежать туда, где прятался следопыт. Второй набаторец окликнул товарища и, видя, что тот не слышит, бросился следом.

Помянув Бездну за столь неудачное стечение обстоятельств, северянин уложил болт и выстрелил в тот момент, когда человек едва не столкнулся с ним. Затем выскочил из зарослей, перепрыгнул через тело и треснул второго набаторца по голове разряженным арбалетом. Последний из патруля, обнажив меч, бросился на сына Ирбиса.

Га-нор выхватил кинжалы, увернулся от мощного вертикального удара, грозившего разрубить его от макушки до середины грудной клетки. И, оказавшись сбоку, опрокинул врага на землю ловкой подсечкой. Для того чтобы заблокировать руку с мечом, сыну Ирбиса пришлось расстаться с левым кинжалом. Взяв запястье на болевой прием и прижав коленом поверженного врага, он нанес три сильных тычка в незащищенную шею.

Встав с трупа и подобрав второй кинжал, разведчик вытер оружие листьями, тыльной стороной ладони смахнул с щеки капли чужой крови. Не задерживаясь на открытой местности, скрылся в зарослях. И только после этого остановился и прислушался.

В лесу не раздавалось встревоженных криков, никто не спешил продираться через подлесок, рога молчали. Скоротечная схватка на безымянной лесной прогалине осталась незамеченной для других патрулей южан.

Га-нор не собирался прятать трупы. Ни к чему. Когда мертвецов обнаружат, он будет

далеко. Больше не останавливаясь, сын Ирбиса направился напрямик в чащу.

Эта часть леса была светлой – множество открытых полян, проплешин и старых, уже успевших зарости невысоким подлеском вырубков. Следопыт прошел мимо небольшого сонного озера со спокойной маслянистой водой. На противоположном берегу плавали дикие гуси. Завидев человека, они встревожились и скрылись в высоких желтых камышах. По ручью, втекающему в водоем, Га-нор добрался до знакомого оврага, пошел по узнаваемой тропе, но внезапно остановился и втянул носом воздух.

Пахло кровью.

Зарядив арбалет, следопыт медленно двинулся вперед.

Одна из елей была полностью лишена ветвей. По обнаженному стволу с содранной корой и сломанной верхушкой текла смола. Похожие на мед янтарные капли медленно ползли вниз, смешиваясь с кровью. В двух ярдах от земли висел человек, облаченный в некогда белую, а теперь алую мантию, подпоясанную желтым кушаком. Из груди некроманта торчал хилсс. Посох пригвоздил колдуна к дереву, словно иголка бабочку к бумажному листу.

В сдисце оказалось удивительно много крови. Она пропитала его одежду и ручьями стекала на землю, насыщая толстый охряный ковер из хвои. Лицо мертвеца застыло, превратившись в восковую маску. Все черты обострились, карие глаза остекленели, оскаленные в гримасе боли зубы казались волчьими, а не человеческими.

Он умер совсем недавно, кровь была свежей. А значит, тот, кто его убил, не мог уйти далеко.

Га-нор пригнулся и быстро осмотрелся. Деревья стояли плотно друг к другу, и из-за этого здесь царил неприятный полумрак. За любым стволом, в любой тени могла притаиться опасность.

Прошла минка. За ней потянулась другая.

На нижних ветвях ближайшей ели сын Ирбиса краем глаза заметил движение. Он резко вскинул голову, но это была всего лишь птица. Большой ворон, не мигая, смотрел на человека. Это длилось всего лишь какую-то уну, но северянина, который был человеком не пугливым, внезапно пронзил холодок страха. Птица, словно почувствовав это, насмешливо спустила угольные перья и хрипло, неприятно каркнула.

Га-нор начал медленно поднимать арбалет, намереваясь прикончить проклятую тварь. Но ворон разгадал его движение. Хлопнули тяжелые крылья, и, метнувшись в сторону, птица скрылась за деревьями.

Следопыт выругался, пожелав мерзкому созданию сдохнуть до наступления ночи. Он подошел к мертвецу едва ли не вплотную, силясь понять, кто или что его убило. Вокруг не было никаких следов, словно покойник переместился к странному «позорному столбу» по воздуху.

– Это сделала я, – раздался за спиной Га-нора тихий и спокойный голос.

Он среагировал мгновенно. Развернулся и, все еще удерживая арбалет на уровне живота, выстрелил. Болт должен был попасть ей чуть ниже груди, но сторел в воздухе, не долетев до женщины жалкого ярда.

Северянина уже не было на месте. В прыжке он метнул левый кинжал, перекатился через плечо и застыл в низкой стойке, оставшись вооружен лишь одним клинком. Брошенное им оружие летело ужасно медленно, словно сгустившийся воздух стал вязким и задерживал смерть, стремящуюся к незнакомке. Ей не составило особого труда протянуть руку и взять

плывущий кинжал за рукоять.

Задумчиво покрутив его, девушка с легкостью переломила лезвие и бросила бесполезные обломки себе под ноги. Га-нор, уже понимая, что с этой соперницей, при всей отведенной ему Угом ловкости и силе, ему не сладить, внимательно следил за каждым ее движением.

Внешне незнакомка не казалась опасной. Молодая, чуть выше среднего роста, худощавая и гибкая. Миловидное лицо, выразительные серые глаза, соколиные брови, приятные губы и великолепная грива черных, распущенных волос. Они окутывали ее, словно плащ. Сама Ура, богиня ночи северян, не постеснялась бы носить такое украшение. Даже в неярком лесном свете волосы искрились и блестели, отливая иссиня-черным.

Серое, в тон глазам, дорожное платье, перетянутое плетеным кожаным поясом, обтягивало стройный стан, на тонких запястьях изящно изгибались браслеты из темного сдисского золота.

– Знаешь, кто я? – поинтересовалась она.

– Убийца детей^[6].

Она показательно поморщилась:

– Верно. Хотя я и не люблю это прозвище. Не хотела пугать тебя, варвар.

Га-нор не ответил, выжидая момент на тот случай, если Проклятая допустит ошибку.

– Понимаю, – улыбнулась Корь, все так же оставаясь на месте. – Твой народ всегда был слишком осторожен и подозрителен. Давай. Сделай наконец хоть что-нибудь со своей игрушкой, и мы сможем поговорить.

Он не внял ее просьбе, лишь выпрямился, но его расслабленная поза ее не обманула.

– Как знаешь. – Митифа пошла по кругу, центром которого был столб с мертвецом.

Га-нор тоже начал движение, сохраняя дистанцию, хотя понимал, что, возникни у Проклятой желание, она прихлопнет его одним пальцем. И для этого девушке совершенно не нужно подходить к нему вплотную.

– Ты очень удачно попался на моем пути. Хочу сказать, что деревня, куда ты так спешишь, мне не слишком интересна, и будь у меня повод, мой упрямый рыжеволосый друг, я без жалости выжгла бы ее дотла. Но... я стараюсь никогда не спешить. В отличие от этого дурака. – Корь кивнула в сторону мертвеца. – Ему было приказано оставить вас в покое, а вместо этого торопливый тупица наплодил куков.

Она аккуратно обошла лужу крови, и ее серые глаза насмешливо сверкнули.

– Постарайся запомнить то, что я скажу. Мне не доставляет удовольствия дважды повторять одно и то же. Когда ты вернешься в деревню, где твои приятели чувствуют себя как крысы, запертые в капкане, поговори с солдатами. Скажи, что я подарю им жизнь и отпущу на все четыре стороны, если мне выдадут командиров. Целыми и невредимыми. Остальные мне не нужны. Пусть убираются, куда захотят. Я не буду чинить препятствий.

– Кто поверит Убийце детей, – глухо, с подозрением, произнес следопыт.

Она звонко рассмеялась:

– Все поверят. Разве в ваших сказках не говорится, что не в моих обычаях нарушать слово? Особенно когда речь идет о жалкой горстке потрепанных вояк. Мне до вас нет никакого дела.

– Ты настолько слаба, что тебе нужна помощь, женщина?

Она и не подумала рассердиться.

– Когда требуется поймать всего лишь пару живых тараканов, глупо влетать в посудную

лавку и размахивать в ней поленом. И посуду перебьешь, и тараканов ненароком задавишь. Я хочу этого избежать. Думаю, и ты тоже. Никому не нужна кровь, пролитая понапрасну. Сделай то, о чем я прошу. Уверена, простые воины не прочь выкупить свои жизни за пару-тройку спесивых дураков, благодаря которым вы попали в эту ловушку. Ступай. Передай своим друзьям. Жду их решения до рассвета.

– А если они не согласятся?

– Мне придется прийти к вам. И тогда ты узнаешь, что я могу убивать не только детей.

Сказав это, она повернулась к нему спиной и направилась в сторону дороги. Сын Ирбиса так и не рискнул метнуть кинжал в ее уязвимую спину. Спустя четверть минки Проклятая скрылась за деревьями, и он остался наедине с мертвецом.

Где-то в ветвях закричал ворон.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Боревник – ядовитый кустарник.

Имперский тяжелый кавалерийский полк «Имперские леопарды» состоит из двухсот воинов.

Сийри – третья стадия развития блязга. Все особи имеют одинаковый (женский) пол.

Весали – взрослые мужские особи блазгов.

Лань тьмы – прозвище Тиа у блазгов.

Имя Кори у северян.

Колос Императора – творение Скульптора.

Здравствуй, старый друг.

Приветствую вас, звезда моей жизни.

Встань, Ка! Тебе нет нужды преклонять передо мной колено.